

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

ЛЮБОВЬ
К
Чудовищу

ЭПИЛОГ «КРАСОТЫ»

СКАЙ УОРРЕН

Сексуальное путешествие началось в книге «Красота, коснувшаяся чудовища» и продолжалось в серии «Красота». Теперь читайте захватывающее завершение в этой заключительной новелле...

С запретного начала отношения Эрин и Блейка отмечались глубокой чувственностью и сильными эмоциями. Каждый вызов только делал их сильнее, и сейчас Блейк готов познакомить невесту со своей семьёй.

Дом содержит секреты для них обоих. Тёмное наследие угрожает всему, над построением чего они работали. Когда между ними встаёт старый долг, Блейк и Эрин, оба должны бороться, чтобы защитить друг друга и их любовь.

Скай Уоррен

Любовь к чудовищу

Глава 1

Звук как от грома, а ощущения как от землетрясения, отдающегося вибрацией вплоть до костей. Но причина не такая естественная, как гроза, не с оставшимся позади запахом гари и топлива. Два «Раптора F-22» летят низко над землёй, прямо над головами, их присутствие кажется ему размытым пятном. Он прищуривается, глядя сквозь листву, ожидая. Кажется, даже деревья дрожат, затаив дыхание. Взрыв происходит в двух милях в сторону юга, на другой стороне низкой горной цепи.

— Какого чёрта они творят? — голос Рикардо натянутый, пронзительный. Он кладёт руку на свою каску, будто это как-то удержит её, удержит его в безопасности.

Блейк знает, что они попали, в касках или без.

— Нам нужно добраться до блокпоста.

Но он не собирается рассказывать своему товарищу правду. Паника не поможет. Не поможет знание, что они всё равно умрут. Армия решила, что они не вернуться. В этот момент они просто такие же враги, как террористы, скрывающиеся в чёртовой пещере. Как и мирные граждане здесь, женщины, дети и трудолюбивые мужчины — они чёртов залог.

— Мы никак не успеем, — произносит Рикардо, задыхаясь.

Нет, не успеют.

— Мы доберёмся до поста и выберемся. Мы придерживаемся плана, чёрт возьми.

Его товарищ кивает — слишком быстро, слишком безумно.

— Ладно. Я справлюсь с этим.

— Знаю, что справишься, — низким лютым тоном отвечает Блейк. Даже юный и «зелёный», Рикардо подчиняется требованиям. Вся его команда — движущая сила, или была таковой, пока на горном хребте их не «сняли» одного за другим снайперы.

Горный хребет должен был быть очищен, и птицы должны были ждать, пока не освободится место для их удара, но сейчас ничего из этого не имеет значения.

Лицо Рикардо искажается скорбью, тонкая мокрая дорожка скатилась через толстый слой грязи на его щеке.

— Я не позволю им умереть ни за что.

Блейк кладёт руку на шею мужчины и притягивает его к себе. Лбом ко лбу. Они близки. Товарищи по команде. Братья. Последние два чёртовых месяца на этом забытом боком клочке земли. В его груди становится тесно.

— Несмотря ни на что, они умерли не просто так, — говорит он. — Несмотря ни на что, это что-то значило. Теперь мы доберёмся до проклятого поста, как они бы и хотели.

— Да, — голос Рикардо становится сильнее. — Мы выберемся.

Блейк не так уверен насчёт этого, но лучше плана нет. Вообще нет никакого плана, кроме того, который уже отправился к чёрту.

Они пробираются сквозь тысячи футов непроходимых джунглей, опасаясь появления засады в любой момент. Вдвоем пробегают по открытой плоской скале, всю дорогу ожидая пули от невидимого стрелка, который пристрелит их.

И каким-то образом — настоящим чёртовым чудом — они добиваются до блокпоста.

— Пусто, — выдыхает Рикардо.

Пусто. И опустошённое чувство в животе Блейка не может быть удивлением, так ведь? Он знал, что так будет. Как только первый мужчина упал, он понял, что что-то пошло

ужасающе не так. Они не выберутся из этого.

Ему даже не жаль себя. У него есть странная мысль, что его невеста не будет сильно возражать, если он никогда не вернётся. Его родители с выгодой используют трагичную геройскую историю, пока не доберутся до проклятого Белого дома. А его работа? Это просто куча дыма и зеркал — политическая сцена, исторический фон. Интеллектуальная ловкость рук, чтобы скрыть *это*: живущих и дышащих, дерущихся и умирающих мужчин, которых считают ничем.

Нет, ему не жаль себя, но он серьёзно злится из-за Рикардо. У Рикардо есть брат. Сегодня они потеряли очень много мужчин, но прямо сейчас он может думать только о младшем брате Рикардо. Он боготворил его, и не слишком ли Рикардо юн, чтобы быть идолом? Чтобы быть чёртовым мучеником?

Он не намного моложе Блейка, не на много лет, но всю разницу составляют несколько дежурств.

Затем он слышит это — вой вертолёта, такой слабый, что он мог и представить это.

— Какого чёрта, — выдыхает он.

Рикардо смотрит с опаской.

— Ты что-то слышишь?

Никаких мятежников. В любом случае, он надеется на это. И вот он, прилетел вертолёт, чтобы забрать их. Всего через пару минут. Это чудо. Чудо, бросающее пыль им в глаза. Они отбегают в сторону, давая вертолёту место для приземления.

Это единственное, что спасает их, когда земли касается первая пуля.

Под огнём. Они под угрозой.

Враг ждал, пока вертолёт приземлится, чтобы захватить его?

На секунду вертолёт завис, и Блейк уверен, что он снова взлетит вверх, забрав с собой любой шанс на спасение и надежду. *Младшего брата Рикардо.*

Но затем вертолёт практически нежно опускается на твёрдую плотную землю, приземляясь всего за секунды до того, как открывается дверь. Появляется ствол пушки, стреляя в сторону ряда деревьев, обеспечивая прикрытие, которое нужно ему и Рикардо, чтобы забраться внутрь.

— Пойдём, — кричит Блейк через тяжёлый гул пропеллеров. Он толкает Рикардо перед собой, чтобы прикрыть сзади. Они оба бегут.

Они тянутся к двери вертолёта. Вытягивается рука, чтобы затянуть их внутрь.

Блейк уже стоит в тяжело вибрирующей машине, когда оглядывается и видит, как Рикардо падает на землю — рядом с вертолётном.

— Вставай, — кричит он. Ему плевать, жестоко ли так его поднимать. Они улетят без него.

Их прикрытие исчезает.

— Двигайся, — кричит мужчина в наушниках и дает знак пилоту лететь.

Блейк двигается, чтобы выпрыгнуть, но мужчина блокирует его. Этот мужчина тяжелее его на пятьдесят фунтов, а ещё последние семьдесят два часа больше спал, ел и пил. Но у Блейка есть чёртова цель, уверенность, что он не может оставить и не оставит своего товарища позади. Последнего товарища. Единственного оставшегося мужчину. Если кто-то и останется за этой скалой, в этой духовке, то это будет он сам.

Выстрел попадает в вертолёт — невозможно понять, откуда. Из-за этого всю машину качает, и Блейк теряет равновесие. Двери по-прежнему открыты, но выход наклонён вверх, и

Блейк скользит назад, падая. Каждая секунда отделяет его дальше от Рикардо, каждая секунда уносит его на один фут выше в воздух.

— Нет, — рычит он, бросаясь к двери. Он практически убьётся, если прыгнет сейчас, но ему плевать. Этого не произойдёт. Этого, чёрт побери, не может произойти.

Парень ловит его за лодыжку, как раз когда он почти выбирается из вертолётки.

Блейк тяжело приземляется на металлическую решётку. Сила его падения раскачивает вертолёт достаточно, чтобы он смог посмотреть за край: мужчина распластался на земле, раненый. И он видит других мужчин, приблизившихся и окруживших его как стая волков теперь, когда вертолёт покидает область.

— Нет.

На этот раз это только тихий звук, поражённый. Слишком тихий, чтобы услышать из-за рёва железной птицы.

Брат Рикардо. *Рикардо.*

Что-то не правильно. Пуля, должно быть, задела что-то очень важное, потому что двигатель уже шипит. Они по-прежнему в воздухе, но раскачиваются из стороны в сторону. На такой высоте они разобьются. Сгорят.

А затем им не приходится долго ждать. Оранжевая вспышка, которую он видит краем глаза, — единственный знак, что вертолёт взорвётся через несколько секунд, прежде чем это происходит, прежде чем его поглощает пламя, прежде чем сила взрыва выбрасывает его из вертолётки, а затем Блейк падает, падает с неба.

— Вставай!

Блейк резко просыпается, дыхание с криком врывается и вырывается из его груди, кровь пульсирует. Его тело покрыто потом и запутано, стеснено. Рядом с ним что-то тёплое, что-то мягкое.

Он замирает. Его глаза закрыты.

— Прости. Я тебя разбудил?

Конечно, он разбудил её. Он всегда будит её, когда становится таким. На самом деле, это Эрин будит его, потому что он не перестаёт бросаться и кричать. Как много лет уже прошло? Блейк вернулся, собрал воедино свою жизнь. Он нашёл Эрин. Всё хорошо, но кошмары не прекращаются. Прекратятся ли когда-нибудь?

Эрин дрожит рядом с ним. Он чувствует её дрожь даже через матрас, на котором они лежат. На лицо девушки падает полоска лунного света. Её глаза широко раскрыты, губы сжаты. Страх. Она боится его.

Его желудок сжимается.

— Что я сделал?

Она качает головой, её голос только слегка дрожит, когда Эрин произносит:

— Ничего.

Ложь.

— Что я тебе сделал?

Её руки сжимаются и отпускают перекрученный уголок одеяла.

— Ты был... на мне.

Что-то внутри него холодеет. Блейк не хочет в это верить. Но, может быть, то, что он

даже не удивлён — это просто знак того, насколько он сломан. Зол. В ярости. На себя. Но даже не удивлён, чёрт возьми.

— Я делал тебе больно? — тихо спрашивает он.

— Нет, — слово звучит слишком натянуто, слишком фальшиво. — Не специально. Ты был... Думаю, ты защищал меня. Ты говорил «лежать».

— Боже.

Блейк качает головой и смотрит на стену. *Боже.*

Он сломанный солдат. Что общего у него с такой женщиной, как она? С такой невестой?

— Ты в порядке? — спрашивает он. Мужчина не ждёт её ответа. Он проводит руками по её плечам, по её рукам, убеждая себя, что она цела, что её тело целое, а кожа такая же гладкая.

— Я в порядке, — говорит Эрин, и, по крайней мере, теперь её голос звучит более нормально.

Может быть, он просто напугал её, а не причинил боль, но, в любом случае, это чертовски близко. Даже если Блейк спал, если верил, что каким-то образом защищает её — он использовал тело, чтобы доминировать над ней. Он мог навредить ей и даже не понял бы этого.

Мужчина резко встаёт. Главная спальня большая, но он вдруг чувствует, что задыхается. Он отходит от кровати, от Эрин, вставая у окна. Так много ночей он выглядывал в это окно, снова просыпаясь, снова задыхаясь и потея.

Когда прекратятся кошмары?

Он слышит шуршание одеяла, когда Эрин встаёт с кровати. Её шаги по полу из тяжёлого дерева тихие. А затем она оказывается позади него, её руки обвивают его талию, губы прижимаются к его спине. Так много ночей он стоял здесь, глядя в окно, и так много ночей она стояла позади него, целуя его, снова делая целым. Блейк знает, что она заслуживает лучшего, заслуживает кого-то уже целого, но не может отказаться от неё. Не тогда, когда всё это рядом с ней кажется почти выносимым.

Через пару минут, поглаживая его грудь и прижимая лёгкие поцелуи к его спине, она говорит:

— Возвращайся в кровать.

Он кивает.

— Скоро.

— Не скоро, — мягко произносит Эрин. — Сейчас. Нам завтра рано вставать.

На завтра у них план поехать домой к его родителям. Это в нескольких часах езды и всё же не достаточно близко.

— Я всё равно смогу сесть за руль.

Она издаёт звук протеста.

— Знаю, что сможешь, но я хочу, чтобы ещё ты чувствовал себя нормально. Пойдём. Я помогу тебе расслабиться.

Его тело взбудораживается от предложения. Чёрт, он всегда в полувозбуждённом состоянии, когда Эрин рядом. Теперь без исключений. Его член уже натянул ткань его боксеров. Станет только больнее, если она продолжит касаться его, прижиматься этими милыми грудями к его спине, обдавать тёплым дыханием его кожу.

Его бёдра на самом деле дёргаются, тело слепо ищет её, с животным инстинктом, с

нуждой.

Блейк чувствует, как изгибаются в улыбке её губы.

— Я не это имела в виду, — говорит она. — Но можно.

Только ему не нравится трахать её, когда он только проснулся от одного из кошмаров. Это кажется слишком грязным, будто Блейк позволяет ей подобраться ближе к этому моменту и всей тьме, которая заразила его. Ещё он не совсем доверяет себе сразу после одного из этих снов, по-прежнему дрожа и оставаясь излишне бдительным.

Особенно после того, как он прижимал её к кровати, чёрт возьми.

— Позволь мне подержать тебя, — вместо этого произносит он. Блейк хочет обнимать её нежно, мило. Он хочет стереть каждое своё грубое прикосновение к ней за последние несколько минут. Он хочет стереть её воспоминания о том, что он сделал, но хорошо знает, как это невозможно.

Девушка без слов берёт его за руку и ведёт обратно в постель.

Когда она забирается на кровать, он обвивает её тело своим. Боже, какая она тёплая и мягкая. Чувствовать её в своих руках похоже на чёртов рай. Иногда его это пугает — как хорошо её чувствовать. Будто он может обнимать её слишком крепко, может заставить её остаться, даже если она бы лучше ушла.

Блейк тяжело выдыхает.

Она поглаживает пальцами тыльную сторону его ладони, ритмично и успокаивающе.

— Ты в порядке. Я тебя держу.

Он утыкается лицом в её волосы. Эрин пахнет так чертовски хорошо. Его руки крепче сжимаются вокруг неё. Он заставляет себя расслабить хватку, позволить ей дышать. Но не слишком сильно, потому что нуждается в ней. Нуждается в том, чтобы обнимать её, чувствовать её безопасность и целостность с собой.

Есть вопросы, которые он хочет ей задать. Например, причинил ли он ей боль во сне. Причинял ли он ей боль до этого случая. Блейк хочет знать, счастлива ли она с ним, по-настоящему. Но он знает, какими будут её ответы. Она в порядке, в порядке, в порядке. Он не уверен, что девушка когда-нибудь скажет ему, что не в порядке.

Она слишком чертовски сильная для своего же блага.

Его сердце перестаёт бешено биться, нервы успокаиваются. Это она так на него влияет. Его член тоже твёрдый, как дурацкий флагшток. Она и так на него влияет, особенно, когда прижимается к нему задницей.

Мужчина проводит рукой вниз по её бедру и спускается между ног. Нежная. Влажная. Это чёртов рай.

Небольшая заминка в его дыхании служит звуком её согласия. Это и то, как Эрин раздвигает бёдра, предоставляя ему больше доступа. Она всегда впускает его, и, по крайней мере, в этом он может доставить ей удовольствие. Он может сделать ей хорошо. Пока держит свою тёмную сторону под контролем. Пока держит чудовище взаперти.

Эрин вздрагивает, когда его крепкий палец скользит по её складочкам. Боже, она скользкая. Девушка слышит звуки своей влаги. Её щёки горят от унижения. Одно дело для мужчины просыпаться возбуждённым. Это нормально. Естественно. Но это? Её тело постоянно жаждет его. Будто знает, что Блейк может навалиться на неё и скользнуть внутрь

в любой момент — и он сделал это. Она просыпается, сжимаясь вокруг него, её бёдра уже дёргаются. Ей не нужно просыпаться, чтобы он заставил её кончить. Он дарит ей лучшие сны.

Её тело готово, но её разум... переживает. Переживает из-за мрачного выражения лица Блейка, из-за одиночества в его позе. Секс отвлекает его, но это временное решение. Но, опять-таки, постоянного решения нет. Не для войны. Не для шрамов, которые покрывают его тело. Нет постоянного решения для тех, что у него внутри.

— Подожди, — выдыхает она. — Позволь мне...

Эрин не уверена, что делать. Погладить его. Сказать ему, что всё будет в порядке, даже если не будет. Что-нибудь, что угодно.

Мужчина уже качает головой. Она чувствует это движение, прямо как чувствует, как его рука сжимается крепче вокруг неё, его пальцы поглаживают с большей силой.

— Я хочу сделать тебе приятно, — бормочет Блейк в её шею, и тогда она становится беспомощной. Не может сделать ничего, кроме как полностью расслабить ноги, пока он гладит и гладит.

Его твёрдый и большой член прижимается к её пояснице. Его пальцы не входят в неё. Они просто дразнят щель, мучая её.

— Трахни меня, — стонет она. — Пожалуйста.

Он ничего не говорит. Его уверенные пальцы, его бесконечные дразнения — вот весь его ответ. Она бездумно двигает бёдрами, пытаюсь ухватить эти крепкие пальцы, пытаюсь трахнуть их. Блейк не позволяет ей этого, всегда отстраняется, доводя её до грани, только чтобы оттолкнуть назад. Девушка ахает, кричит, умоляет.

Только тогда он двигается. Но не для того, чтобы возвысить её.

Его плечи находятся между её бёдер, его голова наклоняется, прежде чем она успевает сказать «нет». Эрин хочет чувствовать его член внутри себя, заполняющим её. Только тогда она чувствует себя завершённой. Только тогда она чувствует себя в безопасности, зная, что он не думает ни о чём, кроме этого.

— Стой, — удаётся сказать ей. Только это. «Стой».

Он поднимает взгляд, выражение его лица серьёзное.

— Ты не хочешь, чтобы я целовал эту прелестную киску? Не хочешь, чтобы я сосал твою нежную кожу или лизал этот маленький клитор?

Её влагалище сжимается от его слов. Она хочет всего этого. Всего его, всегда и навечно. В том, как Блейк держит её, есть что-то вынужденное и практически отчаянное, будто он думает, что она может исчезнуть. Это не навечно. И то, как мужчина иногда уходит, его глаза тёмные и мутные, прошлое кажется в комнате практически живым существом — это не всегда.

Его голос становится ниже. Соблазнительнее.

— Ты хочешь, чтобы я просунул язык в твою щель, трахнул тебя им? Потом я засуну внутрь два пальца... нет, три. Это всё, что понадобится, чтобы удержать тебя на месте, — три пальца внутри тебя. Ты будешь так переполнена мной, что не сможешь двигаться.

Её дыхание становится тяжелее.

— Блейк.

— Правильно, детка, — произносит он, и одобряющая нотка в его голосе заставляет ее толкаться к нему, ища его губы, его язык. Его три пальца. — И пока я держу тебя на месте, вот так, изнутри, тогда я буду сосать твой клитор.

Эрин прижимает пятки к кровати, толкаясь вверх, моля своим телом. Всё, в чём она преуспевает, — это потереться влагалищем о его подбородок, щетина которого вызывает у неё лучшую боль.

Он усмехается.

— Нетерпеливая.

— Всегда, — выдыхает она.

— Тогда тебе это не понравится, — он наклоняет голову и, наконец, длинным движением проводит языком от начала до конца её щели, преодолевая каждый миллиметр как милю, пока она корчится и стонет. — Сегодня я долго буду тянуть с тобой. Я проведу больше времени, пробуя эту хорошенькую киску, выманивая каждую каплю этой сладкой смазки. Я не остановлюсь, пока ты не станешь умолять меня.

— Я умоляю тебя, сейчас, — стонет она.

Мужчина прижимает быстрый поцелуй к её холму.

— Пока нет.

Не достаточно.

— Пожалуйста.

Выражение его лица становится мягче, но голос строже.

— Руки над головой, милая. Держись за свою подушку.

— О боже.

Девушка тянется вверх и делает, как он говорит, хватаясь за стороны подушки.

Её тело уже дёргается против её воли, будто может забраться на него, будто может забраться на пик — но она не может. Блейк не позволит ей, пока не будет готовым.

Если этот мужчина и обладает чем-то в излишке, так это терпением. Он растягивает их занятие любовью на часы. Они оба уже вспотевшие и измождённые к тому времени, как он заканчивает. И больше всего, они невероятно удовлетворены. Она тоскует по этим ночам так же сильно, как и боится их. Это больше, чем половой акт, это тест и иногда кажется, будто он ломает её.

Блейк захватывает её киску губами и лёгкими прикосновениями зубов, которые заставляют девушку извиваться. Пальцами раздвигает её шире и наслаждается, не оставляя ни одной её части неприкасаемой. Мужчина купает её в ласках своим языком, пока Эрин не начинает сжиматься.

Могут пройти минуты или часы, или дни, пока Блейк играет с ней, пробует её и дразнит. Едва касается клитора, а затем переключается обратно на щель. Он трахает её вход языком, будто членом, и почему-то это кажется слаще, чем его член, но и менее заполняющим. Так она никогда не кончит, вовсе нет, Эрин будет вечно напряжена от его языка, пальцев и неустанного, горько-сладкого терпения.

Только когда девушка кончает снова и снова, когда её тело выдыхается, каким-то образом становясь более узким и нуждающимся после трёх оргазмов, Блейк поднимает голову. Она тяжело дышит на кровати, цепляясь за подушку, сжимая ткань вспотевшими руками.

— Возьми меня, — произносит девушка, её голос тихий и напряженный. Это он с ней сделал.

Мужчина поднимается на коленях, и на одну разбивающую сердце минуту она думает, что он оставит её вот так. Его глаза мерцают этой отдалённостью, этой тьмой — той самой, которая была в его взгляде после каждого из его кошмаров. Его широкая грудь вздымается, а

дыхание выходит с резким стоном.

Через секунду он оказывается на ней, крепки бёдра заставляют её бёдра раскрыться шире, грудь нависает над ней, выражение лица суровое. Его руки находятся по обеим сторонам от её плеч. Блейк не прикасается к себе, не помогает войти внутрь. В этом нет нужды, не когда их тела подходят друг другу как море и небо, как свет и тьма. Его член толкается в её вход и проскальзывает внутрь, растягивая стенки, заполняя её и заставляя сжиматься вокруг него.

Эрин выдыхает безмолвное «спасибо», благодарность и желание спутываются в физическом ощущении.

Он наклоняет голову. В её ухе раздаётся его хриплый и голодный шёпот.

— Кончи для меня. Ещё один раз, красавица. Мне нужно почувствовать это своим членом. Мне нужно почувствовать эту горячую влагу на себе, стекающую по моим яйцам. Ты можешь для меня это сделать?

Но ему не нужно задавать вопрос. Она уже кончает, уже крепко сжимает его и купает в своей влаге. А затем Блейк тоже кончает, толкаясь обратно в неё, пока его член тяжело пульсирует, и густые струи спермы оказываются глубоко внутри.

— Эрин?

Она моргает один раз, два раза, и перед глазами появляется книга. Она большая, с этим старым библиотечным запахом, который девушка так любит вдыхать. Хоть ей нравится запах книги, она не может сказать то же самое о её содержимом. Ему не удалось поддержать её бодрствование — а она читала вслух.

— Прости, — говорит она, чувствуя себя глупо. Достаточно плохо, что она задремала, читая книгу. Намного хуже, что её поймал Блейк, который читал «Историю философии» много раз.

— Это я должен чувствовать себя плохо из-за того, что ты заскучала. Я выбирал книгу.

— Всё справедливо. Я выбирала последнюю.

Её выбор пал на дневник автора романов и эротики Анаис Нин. Он читал ей эту книгу пока она пыталась испечь домашних хлеб. Это так завело их обоих — откровенные слова и его глубокий голос, пока её руки месили мягкое тесто — что они занимались любовью на кухонном полу до тех пор, пока хлеб не сгорел.

Так что когда они загрузили машину для своей поездки, Эрин предложила ему вслух почитать выбранную им книгу, пока он за рулём.

Блейк слабо улыбается, его руки ровно лежат на руле.

— Справедливо или нет, я более чем счастлив с этих пор давать выбирать книги тебе. Оставлю Гегеля и Канта своим студентам.

— Канта? Думаю, ты немножко садист.

— Только с книгами. И только в классе. Когда рядом только ты и я, я хочу только доставлять тебе удовольствие.

Её щёки краснеют, и, судя по его весёлому выражению лица, он тоже это замечает. Если бы только рядом был кухонный пол. К несчастью, они далеко от дома Блейка в стиле ранчо, с его уединением и комфортом. С каждое проезжаемой милей её желудок сжимается всё больше. Он надеялся, что чтение отвлечёт её, но это только усыпило Эрин.

Блейк тянется и берёт книгу с её колен. Мужчина кладёт книгу на заднее сидение, не отрывая взгляд от дороги. Она следит взглядом за линиями его мускулистых рук, его тора, пока он открыт ей. Как он делает даже обыкновенные действия такими сексуальными? Она ловит то, как Блейк гладит корешок книги или тянется к чему-то на высокой полке, и её тело пылает.

— Тебе следует поспать, — мягко говорит он. — Нам ещё час ехать.

— Ты уверен, что не хочешь поменяться?

— Уверен. Давай, отдыхай.

— Не уверена, что смогу, — признаётся девушка.

Он бросает на неё взгляд, выражение его лица омрачается беспокойством. Она не сказала ничего особенного, но, может быть, он услышал в её голосе дрожь.

— В чём дело?

Девушка качает головой.

— Ни в чём.

— Эрин. Детка.

Только это и требуется, чтобы усмирить её. Чтобы он произнёс её имя. Чтобы назвал

милым прозвищем, которое использовал, когда они были вместе сплетены в постели, так крепко и скручено, что она не уверена, что они смогут когда-нибудь разделиться — и Эрин не хочет этого. Но эта поездка кажется разделением. Его дом является их коконом, где начались их отношения, где они испытали похоть и любовь.

Конечно, им пришлось бы его когда-нибудь покинуть. Они теперь помолвлены. Пожалуй, в их отношениях поздно знакомиться с его родителями впервые.

— Я немного нервничаю, — отвечает она, тихо выдыхая.

— Ох, детка. Я это понимаю. Я тоже. Но я всё время буду рядом с тобой.

— Я знаю, — отвечает девушка, хотя на самом деле это не так. Его родители обладают потомственным богатством. Чёрт, Блейк обладает богатством. А для неё это другой мир. Пугающий мир.

Блейк прочищает горло.

— Ты переживаешь об этом из-за своей мамы?

Она не вздрагивает. Не делает ничего, что выдало бы чувства, которые она испытывает даже при мысли о матери. Это только вызвало бы у Блейка чувство вины, а он не заслуживает этого. Он не сделал ничего плохого. Но, может быть, сделал его отец.

Много лет назад её мама работала горничной в доме родителей Блейка. Затем в один день перестала там работать. Эрин была маленькой, но помнит слёзы матери. Она помнит тревогу, напряжение. Страх. В то время она не полностью всё понимала. По-прежнему не понимает полностью. Она знает только то, что произошло что-то плохое в том доме, который покинула её мать.

— Я просто хотела бы, чтобы она больше поговорила со мной об этом, — произносит девушка пропитанным эмоциями голосом. Они с мамой всегда были близки, но её мать никогда не рассказывала о том времени, даже когда Эрин стала достаточно взрослой, чтобы понять что угодно. И когда Эрин, наконец, призналась, кто родители Блейка, её мать, кажется, просто выключила телефон. По крайней мере, после этой поездки они собираются навестить её маму. Тогда она увидит её лично и убедиться, что между ними всё в порядке.

Руки Блейка сжимаются на руле.

— Мои родители холодные манипуляторы. Я не близок с ними, никогда не был. Но я не думаю, что они сделали бы...

Его голос затихает, и они едут в тишине как минимум половину мили, глядя, как пролетают мимо фонари.

Эрин никогда не озвучивала свой страх того, что именно могло вывести её маму из того дома все эти годы назад. Это могло быть что угодно. Нет причин предполагать, что это было нечто по-настоящему плохое, как непристойное поведение или даже домогательство. И всё же она не могла вытряхнуть эту возможность из своей головы.

У неё переворачивается желудок от того факта, что это отец Блейка сделал бы это. Не потому, что она обвинит Блейка — она этого не сделает. Он даже не жил в доме в то время, уехал в колледж и никогда не возвращался. А потому, что какая-то её часть задаётся вопросом, поверит ли Блейк, захочет ли поверить ей, если она каким-то образом узнает, что это правда.

То же самое произошло с ней с единственным другим парнем, с которым у неё были серьёзные отношения. Он говорил, что у него нет проблем с тем, как её мать зарабатывает на жизнь. Но когда выяснилась правда, что его отец приставал к её матери, Даг не поверил ей. Произойдёт ли это снова? Она знает, что Блейк лучше Дага, сильнее, более благородный. Но

она не может быть уверена, что он поддержит её в выборе между ней и его семьёй. Она никогда не хочет узнавать это.

Но она очень хорошо знает, что история повторяется. Блейк сам научил её этому на своём уроке.

— Эрин.

Его голос становится тише. От предупреждения? Нет, от беспокойства.

Чувствует ли он разницу между ними? Они оставляют его дом, но на каком-то уровне кажется, будто они оставляют *их*, то, какие они вместе, возвращаясь к тем, кем были по-отдельности.

— Я не хочу, чтобы то, что происходит, встало между нами, — говорит она.

— Боже, — произносит он грубым голосом. — Нет, не встанет. Конечно, не встанет. Я не позволю ничему встать между нами.

То, что он сказал это, заставляет её чувствовать себя лучше. Что он явно верит в это. Но она пришла из мира протекающих потолков и разбитых мечт. Эрин знает, что желания что-то продолжать не достаточно. Она знает, что бороться за что-то не значит это получить.

Девушка пытается улыбнуться.

— Думаю, я просто сверхэмоциональная. Я не достаточно поспала.

— В этом и я виноват.

— Нет, — говорит она, в ужасе от того, что сказала так. Он возьмёт вину на себя. Блейк возьмёт на себя вину за всё, если она позволит. — Ты не можешь контролировать кошмары.

Он качает головой, отталкивая то, что считал оправданиями.

— Отдохни, детка. Откинь сидение и поспи. Я разбужу тебя, когда мы приедем.

Девушка хочет поспорить, заставить его увидеть, что она не винит его. Ни за прошлую ночь, ни за что-либо, что могли сделать его родители. Она хочет сказать ему, что ничего не может их разделить.

Но когда сидение опущено, её быстро накрывает сон. Она закрывает глаза и засыпает.

Прежде чем машина полностью останавливается, открываются витиеватые железные ворота. Блейк кивает в скрытую камеру, проезжая мимо. Кто бы сейчас ни управлял охраной, очевидно, его проинформировали о предстоящем визите Блейка, и его узнают. Мистер Хендерсон ушёл бы на пенсию много лет назад, живя на средства, обеспеченные родителями Блейка. Они заботятся о своих служащих. По крайней мере, Блейк всегда так думал, несмотря на их другие недостатки.

Эрин не знает этого, но он намерен выяснить, что случилось с её матерью все эти годы назад. Его горло сжимается, когда он представляет, что могло случиться с молодой матерью, которая нуждалась в работе, что мог сделать беспринципный работодатель. Сделать ей гнусное предложение? Тронуть её?

Ударить её?

Его тошнит при мысли о том, что такое может произойти с кем угодно, но ещё больше из—за того, что Эрин была в такой же уязвимой ситуации, когда убиралась в его доме. Мысли о том, что кто-то мог навредить ей, ослепляли его яростью.

Он не хочет верить, что его отец способен на это.

Блейк *не* верит, что его отец способен на это, но убедится. Ради Эрин.

Он останавливает машину в конце подъездной дорожки. Служащие предупредили бы его родителей о его приезде, но те не откроют дверь, пока он не постучит.

Эрин спит, её длинные ресницы касаются щёк, розовые губы слегка приоткрыты. Она выглядит нежно в убывающем дневном свете, её кожа практически светится белым по сравнению с оранжевым горизонтом. Прекрасная и неприкасаемая и каким-то образом уязвимая.

Он вдруг передумывает её будить. Не хочет вести девушку в дом, где он вырос. Не хочет, чтобы она открывалась перед чем-либо отвратительным, что могло произойти здесь. Его отец никогда не посмел бы сделать что-нибудь госте, и Блейк никогда не оставил бы её, но приводить её сюда казалось неправильным.

Мужчина не двигается, не прикасается к ней, но она всё равно просыпается. Её глаза открыты, они глубокого карего цвета и полны сонной любви к нему. Его сердце болезненно бьётся о грудную клетку.

— Эй, — произносит он хриплым голосом.

Она улыбается, выражение её лица по-прежнему сонное.

— Ты глубоко задумался.

Это тоже вызывает у него улыбку.

— Недостаток характера.

— Это мило, — её глаза наполняются бодростью, вместе с беспокойством. — Ты боишься, что я опозорю тебя перед родителями?

— Что? Боже, Эрин. *Нет*.

Девушка садится, используя рычаг, чтобы поднять кресло.

— Я не буду винить тебя. Я понимаю, что не та, кого они хотели бы для тебя.

Он качает головой. Он по-прежнему не может поверить в то, что слышит.

— Мне плевать, чего они хотят для меня. Ты та, кого хочу я. Ты та, кто мне нужен, — узел в его желудке сжимается крепче, и он не может это игнорировать. — Мы не обязаны это делать.

Эрин хмурится.

— Что делать?

— Навещать их. Мы можем просто уехать. Я скажу им, что плохо себя чувствовал.

В этот момент это даже не будет ложью. У него плохое, чёрт возьми, предчувствие.

— Ни за что. Мы уже здесь, — девушка смотрит в лобовое стекло, её симпатичные глазки расширяются, пока она смотрит всё выше и выше. Потому что да, здесь чёртовы шпили, как в проклятой крепости. И ещё эта крепость такая же холодная, как когда он был ребёнком. Она сглатывает. — Мы должны войти.

Блейк знает, что это правда. Он достаточно долго откладывал визит, зная, что Эрин будет думать, что он стыдится, если не привезёт её. Лучшее, что он может сделать, — устроить так, чтобы всё закончилось быстро. Насколько он обеспокоен, после этого с него хватит. Его родители могут мельком поучаствовать в их свадьбе, чтобы пресса не устроила суету, и всё.

Он берёт её руку в свою и целует её ладонь.

— Давай покончим с этим.

Глава 3

Когда высокая мрачная женщина открывает дверь, Эрин в первую очередь думает о Снежной королеве. Её волосы такие светлые, практически белые, конечно же, без тёмных корней. Она кажется естественно красивой, без особых усилий элегантной, такой женщиной, каким Эрин всегда завидовала. И её улыбка может заморозить окна.

— Ты, должно быть, Эрин, — говорит она, беря её за руку длинными холодными пальцами.

Эрин натягивает улыбку.

— Очень рада с вами познакомиться, миссис Моррис.

— Я в этом уверена.

Отец Блейка не намного лучше. Его волосы покрыты светлой сединой, глаза практически серебристые. По крайней мере, в его случае, она видела его фотографии в интернете. Прославленный экс-сенатор. Член правления бесчисленных благотворительных компаний. Успешный инвестор. Ходят сплетни, что он друг президента, со времён дней братства в университете и до сих пор. Да, эта семья купается в деньгах, и пока они сидят на застеклённой террасе и пьют лимонад, она обильно и резко чувствует привилегию.

— Как прошла поездка? — интересуется его отец.

Выражение лица Блейка выглядит напряжённым. Он переживает о том, что она скажет? Или он всегда ведёт себя так рядом с родителями?

— Без происшествий, — отвечает он. — Хотя мы выехали позже, чем планировали сначала.

Его мать цыкает.

— Тебя слишком долго не было, и я имею в виду не только это утро. Что я могу сказать людям?

— Ты можешь сказать им, что увидела меня сейчас, мама. И что я женюсь.

С этими словами он одаривает Эрин мимолётной улыбкой.

К несчастью, миссис Моррис не казалась впечатлённой ею.

— Я не многого от тебя прошу, Блейк. Ты знаешь это.

Ну, это объясняет напряжение. В течение первых пятнадцати минут разговор переходит от неловких любезностей к главному родительскому обвинению. Эрин мысленно благодарит бога за то, что её мама окружала её только любовью и поддержкой. Она не росла с отцом или с трастовым фондом, но её детство было намного более тёплым, чем это.

Блейк вздыхает.

— Мама, не сейчас.

— А когда? — женщина бросает взгляд на Эрин, с чем-то похожим на насмешку на лице. Но это было бы уродливо, а эта женщина не была уродлива ни дня в своей жизни. Эрин представляет, что та просыпается такой же прекрасной, такой же холодной. — Если она собирается быть в этой семье, ей следует знать правду.

Эрин замирает, чувствуя дискомфорт из-за твёрдого узла в горле. Она старалась игнорировать правду, старалась притвориться, что здесь нечего скрывать. Старалась притвориться, что её мать никогда не смахивала пыль с этой лампы и не мыла этот пол.

Так она могла притвориться, что не видела слёз своей мамы, что не задумывалась над тем, что действительно произошло в этом доме. Её взгляд переключается на мистера

Морриса, чьё выражение лица прочесть невозможно. Он злится? Ему скучно? Во всяком случае, его непроницаемым лицом можно восхищаться.

— Мы с Эрин пойдём наверх, — говорит Блейк, его голос и выражение лица спокойные. Он научился этому у своего отца? Но очевидно, что он расстроен. Она чувствует это в нём, будто они соединены. — Отдохнём несколько часов и встретимся с вами за ужином.

Его мать выдыхает.

— Я попрошу горничную показать вам ваши комнаты.

Эрин испытывает облегчение от перспективы выйти из дома, даже на несколько минут, чтобы забрать их сумки из машины. Но Блейк идёт наверх по лестнице, следом за женщиной средних лет в простой чёрной униформе.

Мгновение она стоит у начала широкой, извилистой лестницы. Каким-то образом это кажется пересечением порога, тогда как вход внутрь таким не был.

Блейк останавливается, оглядываясь.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает он.

— Иду, — отвечает Эрин, потому что не чувствует себя в порядке. *И не в порядке* тоже. Она не может описать, как вообще себя чувствует, так что испытывает облегчение, когда берёт его за руку и чувствует, как он сжимает её любовь.

Им не нужны слова, чтобы понять друг друга, чтобы обеспечить комфорт. Не нужны слова, чтобы понять тот факт, что их размещают в разных спальнях.

Вероятно, слово «комнаты» специально было во множественном числе.

— Просто она такая, — говорит Блейк после того, как домработница уходит. — Пытается контролировать всё, что может. Мы просто заселимся в одну комнату.

Эрин оглядывает тёмно-синее постельное бельё и классические бейсбольные постеры на стене. Это кажется безликим и всё же... это не обычная гостевая спальня. Не с аккуратной чередой трофеев на книжной полке.

— Это была *твоя* спальня?

Мужчина откашливается.

— Мы можем остаться в другой.

— О нет, — говорит она, смеясь. — Мы определённо остаёмся в этой.

Его щёки определённо выглядят темнее.

— В другой комнате, возможно, царский матрас. Может быть, королевский. У нас будет больше места.

А его кровать просто двуспальная, похоже на то, но она ни за что её не оставит. Вместо этого девушка проходит в комнату, проводит пальцами по гладкому столу из ореха и линии книг.

— Каким ты был ребёнком?

Она очарована одной мыслью об этом. В её мыслях даже маленький Блейк такой взрослый, такой опытный и даже мудрый. Комната мало рассеивает это изображение. Это место как будто из каталога. Не жилое. Не *его*.

Он фыркает.

— Эгоистичным. Глупым. Как большинство детей в этой окрестности. Подожди здесь, я принесу сумки из другой комнаты.

Мысль об эгоистичном Блейке для неё такая же далёкая, как о нём юном. Все дети, вероятно, в какой-то степени эгоцентричны. Эрин была. Тот вечер, когда её мама пришла домой со слезами, открыл ей глаза.

Что случилось с Блейком? Его время за границей? Или что-то до этого?

Блейк возвращается с половиной сумок и ставит их рядом с другими у шкафа. Она на миг задумывается, расстроится ли миссис Моррис из-за того, что они путают её распределение комнат, но Блейк, кажется, довольно хорошо с ней справляется.

— Чем ты хочешь заняться? — спрашивает он, закрывая дверь, запирая их.

Девушка пожимает плечами.

— Ты устал? Ты вёл машину всю дорогу, а мне удалось подремать.

— Немного. Я мог бы поспать, но только если ты будешь со мной.

Она испытывает некий трепет при мысли о том, чтобы вместе спать в этой кровати, кровати Блейка, где он был подростком, где он превратился в мужчину. Здесь определённо есть эмоциональный компонент — быть с ним, узнать его таким образом. Будто на ткани, на матрасе напечатана его история — невидимая, но такая же правдивая.

И физический компонент присутствует тоже. Небольшое табу, но определённо горячее.

— Я могу прилечь, — произносит она, проводя пальцем по гладкому постельному белью. — Хотя не думала о сне.

В его взгляде кратко мелькает удивление.

— Здесь?

Она оглядывается назад. Может быть, кровать меньше их обычной, но определённо достаточно большая для двоих.

— А у тебя когда-нибудь здесь было?

Он понимает, о чём Эрин спрашивает — был ли у него когда-нибудь раньше секс здесь. На его лице отражается вина и гордость.

— Да.

Она задумывается над этим и над тем, что ещё знает о мальчиках-подростках.

— Где твой тайник?

Выражение его лица внезапно становится осторожно пустым.

— Что моё?

— Твой тайник. Ну, знаешь, тайник порно. У каждого мальчика такой есть, верно?

— Что заставляет тебя думать, что я оставил его здесь?

Она пожимает плечами.

— А оставил?

— Я бы никогда не оставил что-то там, где могут найти родители.

— Оу, — она немного разочарована, но ищет, что ещё у него спросить. Слишком приятно находиться здесь, где он когда-то был одновременно возбуждённым и невинным. Они занимались сексом сотню раз, сотней способов — каждый раз более изобретательный, чем предыдущий. Блейк всегда был таким? Или он таким стал? И тогда она понимает, что спросит дальше. — Кто был твоей первой?

Тишина.

Эрин уверена, что он не ответит. Она перешла черту, коснулась слишком личного.

И, неразумно, девушка чувствует укол боли. Разве они не собираются вместе разделить жизни? Боже, она делится с ним всем. Она должна сдерживаться?

Блейк никогда не позволяет ей сдерживаться.

И улыбка, появившаяся на его лице, заставляет её сердце ускориться. Эта улыбка больше не смутная или даже скромная. Она обещает, что он тоже не будет сдерживаться. Когда мужчина тянется назад, чтобы запереть дверь, запереть их внутри, она напрягается. Потому

что он не просто собирается ответить ей словами.

И, может быть, этого она и хочет.

Затем, опять же, может быть, это более личное, чем она готова.

Блейк прислоняется спиной к двери.

— Ты хочешь знать о моём первом разе?

Эрин сжимает в руке покрывало, измяв чистую ткань, разрушая гладкие линии.

— Я не буду ревновать.

Он приподнимает одну бровь.

— Я и не думал, что будешь. Нет, думаю, ты очень сильно насладишься этой историей.

По её телу пробегает дрожь, её голос практически превращается в шёпот.

— И почему это?

Мужчина пересекает комнату своими длинными шагами и затем оказывается перед ней, стоя над ней, доминируя одним взглядом. Ей нравится то, как он может на неё влиять — на её тело и разум. Она жаждет этого. И здесь, где это, возможно, неприемлемо, когда его родители в этом же доме, где его мать не хочет, чтобы они спали в одной кровати, не говоря уже о дневном трахе, Эрин хочет этого даже больше.

Блейк приподнимает её подбородок.

— Мы устроим шоу, красавица. Только для тебя и меня.

Шоу. Она тяжело сглатывает. Где он будет играть себя, а она... его женщину? Эту девушку? Это давнее воспоминание, какая-то девчонка, что однажды раздвинула ноги перед задиристым, эгоистичным мальчиком-подростком в его комнате?

Неправильно считать это таким горячим, но её тело сжимается и твердеет, готовое начать, изголодавшееся по нему.

Когда Блейк наклоняет голову, чтобы поцеловать её, Эрин приподнимается, встречая его на полпути. Сделала ли это та давняя девушка? Была ли она так же нетерпелива и бездыханна, как Эрин сейчас? И внезапно Эрин понимает, что должна знать. Она не может больше угадывать.

— Что ты с ней делал? — спрашивает она.

— Ш-ш-ш, — произносит он. — Ложись.

Она не уверена, ответит он или нет, но всё равно делает так, как он просит, укладываясь на покрывале, скидывая по пути балетки. На ней всё ещё её одежда — те же джинсы и футболка, которые были на ней в дороге. Ей удалось только воспользоваться шансом сходить в уборную и плеснуть на лицо воды, когда приехала. Девушка далека от свежести. Далека от сексуальности. Но то, как он смотрит на неё, не оставляет сомнений в его желании. То, как его взгляд сканирует её тело, с задумчивостью, будто раздумывая над лучшими способами разместить её, не оставило ни одной её части нетронутой.

— Её звали Кларисса, — почти небрежно произносит он, снимая свою майку. Через секунды тонкая ткань отброшена на пол, его широкая грудь обнажена перед ней. Его художавый пресс лишает её дыхания. Взгляд Эрин спускается по линии ниже и ниже, желая увидеть больше.

Он не разочаровывает. Быстро избавляется от джинсов, стряхивая их и откидывая в сторону. Теперь он весь из себя эффектный. Это не стриптиз, что-то медленное и чувственное. Он мужчина с миссией, и от этого зрелище ещё сексуальнее.

— Она была на год старше меня. Второй год старшей школы, когда я был на первом. Мы ходили в одну среднюю школу, — Блейк ставит одно колено на кровать, заставляя старые

пружины стонать и прогибаться. — Она занималась этим с ещё одним парнем, до меня.

У Эрин хватает времени только на то, чтобы осознать, что это было рано для потери его девственности. Разве нет? Но затем девушка задумывается. После уроков она помогала своей маме убирать дома, когда пошла в старшую школу. К тому времени, как потеряла свою девственность, она была уже в колледже.

А потом её отвлекает его рука на её коленке. Вот так. Почти невинно, просто рука. Блейк вставлял пальцы в её киску и прижимался языком к её анусу. Он касался каждой её части, но эта рука на её колене прямо сейчас, когда они в его детской спальне, чувствуется более запрещённой, более опасной, чем что-либо, чем они занимались раньше.

Мужчина наклоняется ниже, его лицо всего в паре дюймов от неё. Его глаза большие и тёмные — бездонные. Она смотрит в них, теряясь.

Уже потерянная.

— Но ты не хотела слушать о ней, — шепчет он. — Не совсем.

— Тогда чего я хотела? — шепчет в ответ она.

Он скользит ладонью вверх по его бедру и ловит её футболку по пути, поднимая ткань, обнажая её живот перед прохладным воздухом. Её кожа покрывается мурашками, соски твердеют. Блейк замечает, его взгляд пылкий, пока он наблюдает, как приподнимается ткань её лифчика.

Вместо этого его большая ладонь тянется и накрывает её грудь, поверх лифчика — претендуя на неё. Так это чувствуется, его рука одновременно тяжёлая и сильная. Будто она больше не она, самостоятельный человек, а принадлежит ему. Будто он больше не её работодатель, её учитель. Даже не любовник. Где-то по пути он стал её всем, и это пугает Эрин больше всего на свете.

— Этого, — произносит он, встречаясь с ней взглядом. — Ты хочешь знать, что можешь доверять мне, что я не этот человек. По крайней мере, больше нет.

Её сердце застревает в горле, потому что она хочет именно этого. Всё в этом мире для неё неизведанное, от дизайнерских приборов до общества с разворотов страниц. Ей здесь не место.

И она в ужасе от того, что здесь место ему.

— Я не хочу, чтобы ты отделялся от меня, — произносит она, пока её глаза наполняются слезами.

Блейк заставляет себя закрыть глаза и делать глубокие вдохи. Заставляет себя не раздвигать красивые ноги под собой и не втрахивать Эрин в кровать.

Это странный импульс, но её слова так на неё повлияли. То, что она может сомневаться в себе таким образом, верить, что она не достаточно хороша. Что она может сомневаться в нём. Это вызывает у него первобытное чувство, пробуждает глубокую животную часть в нём, которой нужно бороться, трахаться, завоёвывать её, пока она не увидит то, что видит он.

Но он будет сдерживать эту свою часть, хорошо прятать. Он не может рисковать и пугать её.

— Эрин, — говорит он низким голосом, практически гортанным. — Ты красивая. Ты сильная. Ты умная. Почему, чёрт возьми, я буду отделяться от тебя?

Она быстро моргает. Боже. Так много для того, чтобы не напугать её.

Блейк садится на пятки и запускает руку в её волосы. Чёрт, он теряет рассудок. Может быть, это из-за приезда домой спустя долгое время. Вероятнее всего, дело в том, как Эрин смотрит на него с тех пор, как они приехали сюда, будто он незнакомец.

— Детка, — хрипло произносит он. Потому что не может больше говорить. Он может только показать ей, что чувствует.

Только сдаться тёмным импульсам, которые постоянно им управляют.

Блейк склоняется над ней, утыкаясь носом в её грудь через атласную ткань. Боже, сейчас он даже не чувствует себя человеком. Скорее животным, которое действует на чистом инстинкте и ощущении, открываемом её мягкостью и женским запахом. Зубами он оттягивает ткань в сторону, обнажая твёрдые пики. Соски маленькие, аккуратные. Он должен быть осторожен с ними. Он не может сосать так жестоко, как хочет, не может кусать её.

Так он себе говорит, но одно прикосновение к губам, и он теряет, наслаждается ею, смыкает губы на её груди и дразнит языком бугорок.

Звук, который она издаёт, — это звук боли, крик шокированного возбуждения и острого желания.

Блейк не отпускает её, просто наклоняет голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Затем медленно, как пёс с чёртовой костью, качает головой. «Тише», — говорит он ей. Она не хотела бы, чтобы слышали его родители или прислуга. Нет никакого способа действительно скрыть то, чем они занимаются. В конце она издаст достаточно звуков, чтобы все узнали. Но он не позволит ей кричать и стонать так, как она делает дома. Позже она только будет чувствовать себя более смущённой.

Так что это действительно способ защиты, что, когда Эрин кричит, он тянется вверх и накрывает её рот своей рукой.

Он кусается, может быть, слишком сильно. Затем ослабляет хватку на её сладком соске, но знает, что будет с ней только грубее. Его контроль становится тонким как лезвие, практически становясь оружием, чем-то, что может порезать её, даже пока он борется за её защиту.

Её глаза расширяются от удивления. Он никогда раньше не закрывал ей рот. В его большой доме, далеко в сельской лесистой местности, ему никогда не нужно было это делать.

Её дыхание нежно обдаёт его пальцы, пока девушка дышит через нос. Она смотрит на него со смущением, с опаской. И с возбуждением? Её дыхание сейчас ускоренное, и Блейк знает, что она может бояться его. Чёрт, ей следует бояться. Но ещё он знает ритм её тела, румянец на её щеках. Он знает, что Эрин заводится, когда он сдерживает её, обхватывает ладонями её запястья или талию рукой.

И это снова срабатывает, её бёдра толкаются вверх, пока губы пробуют свои новообретённые границы.

Звук, который она издаёт, звучит смазано.

Мужчина стонет, этот звук горячее, потому что он контролирует это.

— Правильно, детка. Поддайся этому. Я сделаю тебе хорошо и сохраню в безопасности, делая это.

Это чёртово обещание.

Её тело слегка расслабляется, и он знает, что это согласие. Более того, желание.

И когда мужчина наклоняет голову и дразнит эти прелестные груди, он не

сдерживается. Он заставляет их дрожат, сосёт жестоко, а затем отпускает. Блейк оставляет отметки на бледной коже своей щетиной на щеках, своими зубами. Он использовал её плоть каждым способом, которым хотел, пробуждая тихие звуки, которые выскальзывали из-под его руки.

Он двигается вниз по её телу, дразнит и всасывает нежную кожу её живота, толкает на грань, а затем успокаивает, снова заглушая. Чтобы делать то, что он хочет, добраться туда, куда хочет, между ног, попробовать её, ему нужно убрать руку от её рта. Блейк не хочет этого делать. Не когда знает, как это влияет на неё, когда чувствует, как она извивается под его телом, чувствует рукой тихие вздохи. Девушка хочет этого так же сильно, как и он — большего. Так что когда он, наконец, отпускает её, когда двигается вниз по ногам девушки, снимает её джинсы и трусики по пути, у него появляется новый план.

Её трусики влажные от возбуждения. Блейк прижимает влагу к своему рту — грязный поцелуй. Затем сминает мягкую ткань и тянется вверх.

Её губы раскрываются, скорее в удивлении, чем в согласии.

Он всё равно использует это и наполовину заталкивает ткань в её рот, как более эффективный кляп, чем его рука, одновременно более и менее интимный, более контролирующий и освобождающий её. Тело девушки двигается извилистой волной, рисуя тени на коже, даря только проблески розовой плоти. Он жаждет раздвинуть её шире. Его член пульсирует, представляя этой узкий жар вокруг него.

Но он не сделает этого с ней. Не может этого с ней сделать.

Даже в этом состоянии, наполовину одичав, он не может рисковать и пугать её тем, что на самом деле чувствует.

Так что он даёт себе время, двигаясь между её ног, целуя клитор. Но он не нежен. Это единственное успокоение, которое Блейк себе даёт, — трахать её с языком, щетиной и царапая зубами. Эрин приподнимается ему навстречу, её приглушённые стоны как сладкая музыка, она трахает его лицо, пока не кричит от освобождения.

Жидкость брызгает ему на язык, и он проглатывает её. Только когда он выпивает каждую каплю её удовольствия, когда дарит себе эту награду, он поднимается и погружается внутрь.

Она скользкая и набухшая и такая подготовленная. Но даже сейчас сильно сжимается от его вторжения, заставляя его стонать в сладкой агонии. Быть внутри неё слишком невероятно хорошо. Это вызывает у него желание двигаться быстрее и жёстче, закончить так быстро, как возможно. Но также это вызывает у него желание входить медленными, томными толчками, продлевая этот секс до вечности. Это коварный парадокс, который заставляет его дёргать бёдрами без какого-либо контроля, без единой мысли, кроме как иметь её, взять её, претендовать на неё.

Глаза девушки наполняются слезами, отливая странным и неземным светом. Эрин выглядит как какое-то существо из другого мира, пришедшая мучить его сказка, пришедшая спасти его. Он опьянён ею и той магией, которая делает его таким — практически жестоким.

Почему взгляд на её губы, растянутые вокруг мокрого нижнего белья, сводит его с ума? Как она доводит его до безумия всего одним чёртовым вопросом?

«Кто был твоей первой?»

Она его первая — первая женщина, которую он любил, первая женщина, которую он выпустил. Первая женщина, которая действительно любит его в ответ, и он ненавидит, что она

может когда-либо, чёрт возьми, сомневаться в них.

Так что он груб, когда толкается в неё. Достаточно груб, чтобы услышать, как Эрин ахает. Он вырывает трусики из её рта, чтобы поцеловать её так, как хочет, глубоко и грубо. Блейк трахает её языком так же, как его член проникает внутрь. Он хочет, чтобы она попробовала свои соки, поняла, что это он заставляет её чувствовать это.

Только когда девушка хнычет от последнего, более мягкого оргазма, он отпускает себя. Он толкается в неё снова и снова, практически борясь с ней, грубо и жёстко и так, как не должен. Блейк трахает её как животное — и так он кончает, с рыком, который может услышать весь дом.

Мужчина падает на неё, накрывая своим телом. Она по-прежнему слегка дрожит от шока, лёжа под ним. Отголоски шока?

Или он слишком груб с ней?

Но когда он поднимает голову, чтобы проверить, Эрин улыбается ему — такая сонная и полная любви, что его сердце, кажется, сжимается. Он перекачивается, захватывая её с собой, так что она растягивается на нём. Через пару минут их дыхание успокаивается и совпадает.

Раздаётся тихое сопение, и он понимает, что девушка уже спит. Это вызывает у него улыбку, но он и близко не хочет спать.

«Кто был твоей первой?»

Как будто вопрос имел какое-то отношение к Клариссе или к тому факту, что у неё были брекеты, а он сходил с ума от волнения. Нет, вопрос был о страхе, который он увидел в глазах Эрин. О страхе, которые он увидел, когда она познакомилась с его родителями, увидела их дом. Может быть, страх всегда был, а она просто скрывала его, или он просто притворялся, что не видел.

Она по-прежнему видит между ними классовую разницу.

А Блейк был идиотом, что тоже этого не видел. В любом случае, не то чтобы он считает себя выше её. Но их сформировало их детство. Он не хочет думать о себе как о напыщенном, помешанном на себе болване, но не может отрицать, что именно таким его растили. И не важно, как сильно он борется с этим, как сильно верит в равноправие, как сильно, по чёртовым уши влюблён в Эрин — это никогда не изменит его прошлого

Это никогда не сможет изменить то, какой он глубоко внутри.

На следующее утро Эрин просыпается с болью между ног. Ей требуется мгновение, чтобы вспомнить, что произошло вчера: долгая поездка, Снежная королева, дикий секс в детской комнате Блейка.

После этого был неловкий ужин, где её румянец скрывал только длинный стол и тусклый свет. Ни один из родителей Блейка не комментировал их недолгую дремоту, слава богу.

И по какой-то причине его мать больше не устраивает никаких обвиняющих тирад. По большей части она просто пьёт, пока отец Блейка допрашивает его о должности в университете, о карьерных планах и портфеле инвестиций. Блейк справляется с этим во время салата и главного блюда, прежде чем переключает тему и убеждает отца поговорить о политических манёврах его расцвета.

Как только мистер Моррис начинает говорить, его не остановить. Слушать его рассказы невероятно интересно, это как взгляд с первого ряда на главные политические драмы их прошлого. Когда Блейк подмигивает ей через стол, она понимает, что он сделал это специально.

Что она может сказать? У неё слабость к мужчинам, которые могут говорить об истории.

Как Блейк, который полулежит рядом с ней на кровати. Его рука вытянута, длинная и мускулистая даже во сне. Его глаза закрыты, ресницы густые и прямые, и практически касаются бледного шрама на его щеке.

Огонь подобрался слишком близко к его глазу. Она дрожит от мысли, насколько хуже всё могло бы быть. Блейк мог потерять зрение. Он мог умереть.

Её сердце кажется слишком большим, слишком уязвимым после сна рядом с ним всю ночь.

И Эрин не может удержаться и *не* прикоснуться к нему. Не может не ощутить его тепло и равномерные движения его груди от дыхания. На его груди растут жёсткие волоски, и девушка проводит по ним рукой, щекоча ладонь.

Он не дёргается, его губы слегка приоткрыты в глубоком сне.

Так что она продолжает, двигаясь по неровностям его пресса, чувствуя, как мускулы напрягаются под её прикосновением. Она бросает на него взгляд, чувствуя себя застенчиво, практически пойманной, но он по-прежнему спит.

Эрин никак не может остановиться, находясь так близко к нему, не когда она видит его эрекцию под простынёй. Так он просыпается каждое утро, но обычно встаёт раньше неё. Иногда, просыпаясь, она находит его пальцы в своей киске, а его рот на своей груди. В другие разы он уже внутри неё, толкается внутрь, к тому времени, как она открывает глаза.

И всё же в других случаях Блейк принимает душ и мастурбирует, быстро и эффективно. «*Я хочу дать тебе отдохнуть*», — говорит он. И она понимает, что это доброта, даже если так не кажется.

Это принадлежит ей. Его член. Его возбуждение. Весь целиком этот прекрасный мужчина принадлежит ей.

Таким кажется брать его член в рот — правом собственности. Эрин заявляет на него права своими губами, своим языком, нежными движениями кулака вокруг его члена.

Его вздох звучит как выныривание за воздухом, резко и внезапно. Всё его тело тоже дёргается, достаточно сильно, чтобы она выпустила его изо рта. Тогда его рука ложится на её затылок, лаская и благодаря. Девушка лижет кончик его члена, в том месте, которое всегда сводит его с ума, пока он не запускает пальцы в её волосы, потягивая и безмолвно моля.

Но он не может быть тихим. Не когда она лижет нежную кожу его яичек, а её кулак сжимается на члене, чтобы убедиться, что он пока не кончит. В этом она с ним стала хороша. Она любит практиковаться, любит сводить его этим с ума, а он отвечает симфонией возбуждения — своим мычанием, своими стонами, своими словами побуждения и боли на выдохах.

— Боже, детка. Соси меня. Ты мне так чертовски нужна.

Её киска сжимается от его слов, и Эрин подчиняется ему, снова беря его в рот. Одновременно она помогает себе кулаком, и Блейк откидывает голову назад, с закрытыми глазами и напряжённым выражением лица.

— Детка, — бормочет он. — Ты мне нужна. Нужна...

Он сдерживается. Она может сказать, что он хочет сказать больше, попросить что-то, что она может не захотеть давать. Чего он не знает, так это того, что она хочет дать ему всё. Её единственный страх — что он поймёт, что больше не хочет её.

— Скажи мне, — шепчет она, её губы касаются упругой головки его члена.

— Ничего, — выдыхает он, поднимая бёдра. — Это идеально. Люблю тебя. Люблю тебя.

Но это не идеально. Нет, если он по-прежнему сдерживается. Она дует на кончик его члена, и он содрогается.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Хочу трахать твой рот, — затем он, кажется, понимает, что сказал, и добавляет: — Но не хочу тебя напугать.

Он хочет трахать её рот? Эта мысль её возбуждает. Обычно Блейк позволяет ей контролировать темп, глубину. Она никогда не задавалась вопросом почему.

Вероятно, потому что он не хочет пугать её.

— Ты не напугаешь меня, — обещает Эрин.

Блейк смотрит на неё, его глаза тёмные и наполнены интересом. Она видит в этих глазах его нерешительность, но также видит, как сильно он хочет этого.

— Не так, — наконец произносит он. — Ложись.

Она ложится, неуверенная, что он подразумевает, пока мужчина не становится над ней на колени, упираясь руками по бокам от неё, и её рот оказывается в дюймах от его члена. Это ошеломляющая перспектива, когда он так возвышается над ней, когда его член так близко, а плечи загораживают свет от окна, и на его лицо падают тени.

И это делает её лгуньей, потому что это пугает её — совсем немного.

Но она знает, что каким бы он ни казался доминирующим, какой бы уязвимой её это ни делало, Блейк никогда не причинит ей боль. Может быть, это действительно и есть любовь. Чувствовать страх, но знать, что всё будет хорошо. Может быть, это доверие. Она всегда тосковала по безопасности, уверенности, что никогда не будет одна, никогда не заплачет, никогда не испытает боль из-за своего работодателя, без силы защитить себя.

Нет такой вещи как уверенность. Это она узнала, пока росла, читая о мире, изучая

историю. Есть только боль и надежда, только страх и доверие, только твёрдый член у неё во рту и нежный взгляд мужчины, который любит её.

— Так нормально? — спрашивает он хриплым голосом.

Девушка кивает, не в силах говорить. Он ещё не глубоко, но она чувствует себя переполненной. И загнанной в ловушку. Идеально окружённой и внутри, и снаружи, держащейся на единственном вдохе.

— Я начну медленно, — обещает он.

И он сдерживает обещание, конечно же. Блейк двигает бёдрами, толкаясь глубже в её рот. Как только она чувствует его задней стенкой горла, когда уже практически слишком, он отстраняется. Снова и снова, он трахает её рот. Как и обещал. Как ему и нужно.

Всё его тело, кажется, дрожит от сдержанности, но он не движется быстрее или сильнее. Он не причиняет ей боль.

— Детка, ты такая чертовски горячая. Такая влажная. Как, чёрт возьми, мечта.

Эрин может только моргать, глядя на него. И использовать язык в знак коварной благодарности.

Он выдыхает.

— Боже. Я хочу зайти глубже. Ты можешь принять?

Она сглатывает и отводит взгляд, потому что не уверена, что сможет. Её губы уже растянуты. Он уже касается задней стенки её горла, когда толкается внутрь. Он входит не полностью, но она не уверена, как много сможет ещё принять.

Выражение его лица смягчается пониманием.

— Ты можешь это сделать, детка. Просто дай мне ещё пару дюймов. Мне нужно, чтобы ты кивнула. Я не воспользуюсь этим.

Вниз по её спине бегут нервные мурашки, но она хочет сделать это. Девушка кивает.

Мгновение изучив её взглядом, он толкается глубже.

— Сейчас, детка. Расслабься для меня.

Затем Блейк продолжает двигаться глубже, и когда бы раньше остановился и отстранился, вместо этого продолжает. Ужасную секунду она борется с вторжением. Даже глядя ему в глаза, зная, что он будет нежен, она пытается высвободить руки, чтобы оттолкнуть его.

Так же быстро мгновение проходит, и ей удаётся расслабиться.

Он задерживается на месте на три удара сердца, а затем медленно выходит, позволяя ей снова дышать. Она обдаёт воздухом его член.

— Ещё один раз, — нежно произносит он. — Скажи мне «да».

Но она не может, не когда его член по-прежнему у неё во рту, так что Эрин только кивает. И тогда он снова оказывается глубоко в ней, короткие волоски у основания его члена щекочут ей нос. Она сдерживается, пока ощущение в её горле не заставляет её сглотнуть. Блейк стонет громко и грубо, а затем едва слышно ругается.

— Чёрт, детка. Чёрт.

Он уже кончает, когда достаёт член, его первая струя уже в её горле, а на языке лёгкий соленоватый привкус. Затем его тело дёргается, и мужчина кончает ей в рот, прямо на стенку горла. Она с готовностью сглатывает, пока он стонет над ней.

Мужчина осторожно отстраняется, чтобы не причинить ей боль. Но она сейчас за гранью боли. Она чувствует только пульсацию в киске.

— Ш-ш-ш, — успокаивает он. — Позволь мне позаботиться о тебе.

На её глазах выступают слёзы.

— Мне нужно... Мне нужно...

Её голос слишком хриплый, и она всё равно не знает, как это сказать. Не знает, как объяснить, что сойдёт с ума, если не кончит через две секунды.

Вместо этого девушка хватается за руку и прижимает к себе между ног — движение грубое и красноречивое. Выражение его лица смягчается с пониманием.

Его пальцы ныряют между её половых губ, где она невероятно скользкая для него. Он собирает влагу и поднимает её к клитору, скользя вокруг твёрдого бугорка, заставляя девушку сжимать ноги. Этого слишком много, её плоть слишком чувствительная. Но в то же время она хочет его сильнее, быстрее.

Блейк перемещается, чтобы поцеловать её в губы, нежное прикосновение резко контрастирует с вторжением его члена. Он снова произносит:

— Позволь мне позаботиться о тебе.

Он двигается так, чтобы его большой палец был рядом с её клитором. Это почти щипок, и тогда она за гранью мысли, стонет, кончая, дёргаясь бёдрами ему навстречу.

Эрин как раз падает обратно на кровать, когда распахивается дверь.

Она взвизгивает от смущения и ужаса. Прежде чем успевает полностью рассмотреть Снежную королеву в дверях, Блейк набрасывает на девушку одеяло.

— Господи, — произносит он.

— Не ругайся. Откуда я могла знать, что вы будете в постели в такое время?

Возникает пауза, пока Эрин представляет, как Блейк качает головой.

— Дай нам минуточку, мама. Или шестьдесят.

Дверь снова закрывается, а Эрин остаётся спрятанной под одеялом. Она знает, что её щёки будут ярко-красными. Боже, говоря о смущении. Это даже не такая история, которую она сможет рассказать людям в качестве шутки.

Раздаются шаги по полу, а следом тихий звук, и она понимает, что Блейк запирает дверь. Кровать прогибается, когда он садится рядом с ней.

Наконец он тянет за одеяло.

Спустя мгновение она неохотно выглядывает за край.

— Прости. Мне следовало запереть дверь прошлой ночью.

— Твоя мама...

Девушка затихает, не уверенная, как быть с этим. Очевидно, это проблема. И в то время как она не большая фанатка его матери, как и, кажется, он, Эрин не хочет обидеть его, сказав не то.

— Она всегда была немного... назойливой. Мне просто жаль, что я не защитил тебя от этого лучше. Я к этому привык, просто зол, что она поступила так с тобой.

— Нет, это была не твоя вина.

И он *защитил* её. Теперь Эрин понимает, почему он не привозил её сюда. Блейк не стыдился её, как она боялась. Пожалуй, ему, кажется, стыдно перед ней за то, что она увидит, откуда он.

Всплеск нежности заставляет её опустить одеяло и взять его за руку.

— Не переживай об этом, — говорит она. — Правда. Мы просто переживём сегодняшний день и завтра уедем.

Он с сожалением качает головой, глядя вниз на своё обнажённое тело.

— По крайней мере, теперь она не может жаловаться из-за того, что мало меня видит.

И когда Эрин смеётся, она знает, что у них всё будет в порядке.
Что бы ни случилось, они есть друг у друга.

Блейк откидывается назад. Старинное кресло скрипит под его весом, очевидно, готовое уйти в отставку после, вероятно, семидесяти лет службы. Всё в этом доме старое, от самих стен до ваз династии Минь. Он помнит, что ребёнком нельзя было сидеть на этом кресле. Он помнит, что нельзя было прикасаться к этим вазам, рисовать на этих стенах. Он практически вырос в музее, с юного возраста учась не трогать, не двигаться, говорить чуть громче шёпота.

Поступление на военную службу было наполовину бунтом, наполовину поиском его места в мире за пределами тени отца. И это разорвало на части его мысли обо всём. Солдаты постоянно двигаются, дерутся и кричат. Это точная противоположность всему, что он знал раньше.

Блейк ушёл из армии сломанным мужчиной, и хуже всего, отвратительнее всего был взгляд замаскированного триумфа в глазах его родителей. Что он выбрался сделать что-то для себя, что-то отличное от того, чего бы они хотели для него, и провалился.

Восстановление себя было медленным болезненным процессом. Болезненным, потому что шрамы от ожогов останутся навечно, всегда ограничивая его движения и посылая по коже резкую боль. Медленным, потому что он всё время боролся с собой. Только когда встретил Эрин, когда влюбился в неё, когда появилась необходимость быть для неё достаточно хорошим, он смог сойти со своего собственного пути.

Боль не уйдёт никогда, не полностью. И это будет для него долгая дорога.

Но рядом с ним есть самая прекрасная женщина, которую он только видел, такая умная и добрая и хорошая, что ему уже плевать, заслуживает ли он её. Он удержит её, и таким образом она станет лучшей его частью.

Эрин сидит на другом конце комнаты, играя в шахматы с его отцом.

И выигрывает, судя по удивлённому взгляду на лице его отца. Его не часто побеждают, по крайней мере, отчасти потому, что люди его боятся. Эрин напугана, Блейк знает это, но это только делает её твёрже. В его груди становится тесно от смеси гордости и любви — и бесспорной похоти. Его заводит, когда она надирает кому-то зад.

— Шах, — произносит девушка.

Из любопытства Блейк встаёт и пересекает комнату.

— Она заставляет твоего короля податься в бега, — лениво комментирует он.

Конечно, его отец это знает.

— И правда. Ты её этому научил?

— Именно этот трюк она уже знала, — он изучает взглядом доску, пока его отец защищается. Эрин делает шаг вскоре после этого, в нападении, используя своих слонов в тандеме, чтобы разметать фигурки его отца по доске. — У неё свой способ завоёвывать мужчину.

На лице Эрин появляется маленькая улыбка.

— Мужчина или женщина, я играю для победы. Шах.

Его отец изучает её с новым и осторожным уважением после того, как снова передвигает короля назад.

— Знаешь, большинство молодых людей проявили бы скромность. Сказали бы, что,

вероятно, это была просто удача, что они победили меня.

— Это не удача, — Эрин тянется, чтобы поставить своего коня. — Так зачем лгать? Шах и мат.

Его отец смотрит на то, как попался в ловушку на доске — и как она практически спрятала коня за ладьёй, чтобы в своём поспешном, целеустремлённом отступлении он не заметил его, пока не станет слишком поздно.

— Будь я проклят.

— Это нормально, — говорит Блейк. — Я чувствовал то же самое, когда познакомился с ней.

Ну, не совсем то же самое. Ещё он почувствовал возбуждение, такое напряжённое, что оно стряхнуло его обратно на землю живых людей, когда он считал, что практически не может испытывать желание.

— Расскажи мне свою стратегию, — просит его отец, таким властным тоном, которым заставляет людей падать к его ногам.

Эрин пожимает плечами.

— Вы слишком сильно полагаетесь на ферзя. Как и большинство людей. Это оставляет короля уязвимым.

После её слов его отец приподнимает бровь, а затем поворачивается к Блейку.

— Она прелестная юная дама. И умная. Вероятно, даже умнее тебя.

— Определённо.

— Ну, ты сделал хороший выбор. Я желаю вам обоим долгой и счастливой жизни.

В груди Блейка появляется боль, потому что он больше всего хочет, чтобы это было правдой, чтобы его отец был строгим и эмоционально отстранённым, но, в конце концов, хорошим мужчиной. Но он не может игнорировать то, что сказала ему Эрин. Он заслуживает ради неё, ради её матери — даже ради себя самого знать правду о том, что здесь произошло.

Он понижает голос.

— Можно с тобой поговорить минутку?

На лбу его отца появляются морщины.

— Да. В моём кабинете.

— Мы будем через пару минут, — говорит он Эрин, надеясь, что она поймёт, почему он должен оставить её одну на несколько минут. Он не бросил бы её со своим отцом... на случай, если тогда что-то произошло. Но он сделает это сейчас, чтобы получить ответы.

Девушка выглядит спутанной, её симпатичные брови сводятся вместе.

— Конечно. Не торопитесь. Я буду здесь.

— Можешь пойти наверх и подремать.

Он сомневается, что она заснёт, но, по крайней мере, тогда Эрин сможет побыть хоть в каком уединённом месте, пока его нет.

— Может быть.

Её улыбка мимолётна.

Ему не нравится вот так оставлять её, когда между ними не досказаны слова, но сейчас пора, если он собирается поговорить с отцом насчёт этого. Так что он быстро целует её в лоб.

— Мы быстро, — обещает Блейк.

Эрин смотрит в пустой дверной проём, где только что был Блейк. Что это было? Он молчал после ланча, сидя вдали от них, пока они играли в шахматы. Снежная королева исчезла, чтобы «подремать» после ланча, хотя Эрин начинает понимать, что в этом доме такой термин используется для чего-то личного.

Она вдруг слышит шаги. Блейк уже возвращается? Он сказал, что они поговорят быстро. Но это не похоже на шаги Блейка.

Эти мысли подтверждаются, когда в дверях появляется мама Блейка. Снежная королева. *Чёрт.* Эрин отчаянно жалеет, что не согласилась подремать, когда Блейк предложил это. Тогда она не сидела бы здесь как... как лёгкая мишень, на самом деле.

Что делает мать Блейка охотницей.

— Вот ты где, милая. Куда удалились наши мужчины?

— Думаю, они пошли в кабинет мистера Морриса.

— Оу, — миссис Моррис проходит глубже в комнату. — Знаешь, ты можешь звать его Джеб. А меня зови Бел.

Эрин знает их имена — Джебедея и Белинда. Старые имена. Красивые имена. Самы люди оба старинные и прекрасные. И ещё пугающие. У неё нет желания быть здесь, наедине с Бел, со Снежной королевой, и, может быть, это несправедливо по отношению к ней.

Может быть, женщина добрая в душе, с надеждами и мечтами и своими собственными страхами. Без сомнений, это правда. Но Эрин не может избавиться от чувства, что Белинда выделила Эрин как своего врага. И согласна Эрин или нет с распределением их ролей, Бел — опасный враг.

При всём том, что отец Блейка — Джеб — немного напыщенный, ему, по крайней мере, она, кажется, нравится.

— Знаете, Блейк предложил, чтобы я подремала, и теперь, когда я подумала об этом, я устала. Думаю, я пойду...

— Стой, — Бел снова улыбается, вызывая у Эрин мурашки на спине. — В конце концов, ты здесь только на один день. Так мало времени, чтобы тебя узнать.

Эрин заставляет себя сидеть в кресле, пока Бел садится рядом на диван в античном стиле. Очень близко. Между их коленями всего несколько дюймов, и от этого Эрин становится неуютно. Она реагирует слишком остро? Возможно. Но осознание этого не прогоняет натянутость в её груди, страх в горле.

Может быть, она ещё может это исправить. Если она использует ту же тактику, что и с отцом Блейка.

— Я бы хотела послушать о вашей жизни, — говорит она, симулируя энтузиазм. — Уверена, у вас много историй, раз вы жена сенатора.

Бел смеётся.

— О, так и есть. Истории о Джебе... бьюсь об заклад, в некоторые из них ты не поверишь.

Это звучит зловеще.

— Вам, должно быть, удалось познакомиться с некоторыми важными людьми.

— Именно, дорогая. Но я намного больше заинтересована тобой.

Эрин сглатывает.

— Мной? Боюсь, я не сделала ничего такого уж интересного.

— Разве? В конце концов, ты уже подцепила Блейка Морриса.

Эрин смотрит на неё, не зная, что сказать. Что чувствовать. Технически это правда. Она подцепила Блейка, который является выгодной партией. Умный, добрый и адски горячий, несмотря на то, что думает о своих шрамах. Конечно, любая мать считает своего сына призом. И всё же она не может не думать, что Бел говорит больше о деньгах Блейка, чем о чём-то другом.

— Я рада быть с ним, — осторожно произносит девушка. — Я люблю его.

Улыбка Белинды кажется немного злой, но не менее прекрасной.

— Конечно, любишь. Они любвеобильные, наши Моррисы.

Что это значит?

— Думаю, да, — отвечает она, надеясь, что это правильный ответ. Здесь есть скрытое мнение, которого она не видит. Она может только чувствовать это.

— Некоторые могут сказать, что слишком любвеобильные. Уверена, ты знаешь, что я имею в виду.

Эрин уверена, что не знает. Она предпочла бы быть где угодно, но не здесь. Дверной проём манит её, и ей хочется пробежать прямо через него и спрятаться наверху — только это было бы по-детски.

И ещё это кажется разумным вариантом.

— Они выйдут в любую минуту, — поспешно говорит Эрин, практически в мольбе. Потому что, боже, она так надеется на это.

Бел даже не обращает на это внимания. Её глаза сужаются.

— С такими мужчинами важно знать, чему они верны.

Что же, становится всё более жутко.

— Ладно, — произносит она. — Хороший совет. Теперь я действительно думаю подняться наверх и подремать.

— Ты знаешь, чему верен Блейк, Эрин?

Она знает, что её ловят на живца. Но она не может ничего поделать и отвечает:

— Блейк не станет мне изменять.

— Может быть, нет. Ты молодая и симпатичная, а он... ну, он не совсем тот мужчина, которым был. Некоторые травмы невозможно исправить.

Простите? Теперь всё серьёзно. Она может не знать, каким мужчиной Блейк был, но знает, какой он сейчас.

— Я не знаю, о чём вы говорите, но Блейк удивительный мужчина. Он благородный и выдающийся и...

— И на десять лет старше тебя. Ты никого не обманешь, милая. Определённо не его.

Эрин ахает. Она не хочет, чтобы эта женщина путала её мысли, но это её страх. Не то, что она использовала Блейка, а то, что он будет так думать. Не то, что она не любит его по-настоящему, а то, что он не любит её. Нет, она не позволит Бел путать её.

— Очевидно, вы злитесь и озлоблены на что-то, но вы не знаете меня. И, думаю, вы не знаете его.

— Я знаю достаточно. Я знаю, что он отверг всё, за что мы когда-либо боролись, включая жизнь в политике, включая наших друзей, включая такую женщину, которая была бы для него хорошей женой.

— Я буду хорошей женой.

— А я знаю, что ты мусор. И это всё, кем ты когда-либо будешь.

Блейк хочет быть где угодно, но не в этом кабинете, где ему так много раз читали лекции из-за одного или другого дурацкого антиквариата. У него был небольшой послужной список в средней школе, в которую он ходил, — ирония, учитывая, что теперь он профессор.

Его отец не садится за свой стол. Вместо этого он садится в одно из кожаных кресел с высокой спинкой у камина, и Блейк присоединяется к нему. На равных? Блейк сомневается, что это когда-нибудь будет правдой. И, может быть, так происходит между отцами и сыновьями — один всегда лидер, даже если сын прекратил гоняться много лет назад.

— Должно быть, всё серьёзно, — лениво отмечает его отец. — Если тебе потребовалось так много времени, чтобы прийти с этим.

Блейк усмехается, без юмора.

— Серьёзно, да. У меня есть к тебе вопрос, но я боюсь, что ответ мне не понравится.

Его отец молчит, глядя на каминную решётку, где не горит огонь. Проходят долгие минуты.

— Я знаю, ты думал, что я ненавижу то, что ты завербовался. И ты прав. Так и было.

— Рад, что мы это прояснили, — сухо произносит Блейк.

— Я боялся. Боялся, что ты никогда не вернёшься домой. И я был прав, в каком-то смысле. Ты так и не вернулся к нам.

Его горло пересыхает.

— Ты хотел видеть не меня. То был какой-то другой ребёнок. Такой же, как ты.

— Не такой же, как я. У меня никогда не было твоего мужества.

В его словах звучит окончательность, от которой у Блейка внутри всё сжимается.

— Я не отрёкся от вас полностью. Сейчас я здесь. И вы будете приглашены на свадьбу.

— Даже если тебе не понравится мой ответ на этот вопрос, который ты задашь?

Приходит очередь Блейка молчать, потому что он не может ничего обещать. Его верность принадлежит Эрин, и кроме этого это правильно. Любая благодарность, которую он испытывает к своим родителям, похожа на этот дом — старая и скрипящая под весом настоящего.

— Папа, что случилось с Софией Рейдер?

Тишина. Неподвижность. Отец услышал его и понял, каждый нюанс вопроса.

Блейк даёт ему время ответить, потому что лучше подождёт правды. И он знает, что услышит любую ложь отца в этой комнате, где их только двое.

Его отец говорит медленно:

— Откуда ты её знаешь?

— Она здесь работала, так ведь? Я мог так о ней узнать.

Он медленно качает головой.

— Ты тогда был в университете и приезжал домой как можно реже. Ты никогда с ней не встречался.

Подозрение становится темнее.

— Почему ты это помнишь? Что-то такое конкретное, как встреча твоей горничной и сына?

— Потому что она была не просто моей горничной.

Блейк закрывает глаза.

— Боже.

— Это было неправильно. Я не защищаюсь. Я просто отвечаю на твой вопрос.

— Ты когда-нибудь делал ей больно? — требовательно спрашивает Блейк. — Ты... — он не может даже произнести это слово. — Ты *принуждал* её?

— Что? — отец поворачивается к нему, на его морщинистом лице появляется редкое выражение шока. — Боже, нет. Я бы никогда *никого* не принудил, никогда бы не причинил боль никакой женщине. И определённо не ей.

— *Господи*, — значит, у его отца был роман. Это не должно его удивлять, но всё равно удивляет. По крайней мере, это лучше альтернативного варианта. — Ты знаешь, какая у Эрин фамилия?

Мышцы в челюсти его отца дёргаются. В глазах появляется осознание.

— У Софии была дочь.

— Верно. И Эрин знает, что её мать здесь работала. Она помнит, как та пришла домой в слезах в последний день работы здесь.

Кожа мужчины бледнеет.

— Я... заботился о Софии. Без меры.

— Видимо, не достаточно, чтобы продолжать нанимать её. Или держать руки при себе, чтобы она не чувствовала себя под давлением.

— Она хотела того, что у нас было. Говори, что я не прав, но я верю в это.

Блейк качает головой.

— Тогда что произошло?

— Твоя мать узнала. Но она не высказывала мне недовольство. Она высказала всё Софии, пока та была наверху. Это было... очень скверно.

— Не может быть, — с отвращением произносит Блейк.

— Я остановил их перепалку, но я... — его отец вздыхает и выглядит более уставшим, чем когда-либо. — Я позволил твоей матери вышвырнуть Софию из дома. Я не защитил её. Я любил Софию, но когда всё выяснилось, я решил сохранить жену и остаться, а не быть с ней. Я был трусом.

Блейк согласен, но его слишком тошнит от всего этого, чтобы так сказать. В конце концов, он понимает иронию того, что сам обвиняет отца в проступке. Блейк боролся со своим влечением к юной горничной, зная, что это слишком неприлично, что та слишком молода и красива и хороша для него. И, в конце концов, он сдался своему желанию — как и его отец.

Но разница тоже есть. Блейк не женат. Он не нарушил никаких клятв, чтобы быть с Эрин. И когда дойдёт до того, чтобы защищать её от кого-то, он сможет подраться хоть с чёртовой армией.

И что-то его пронзает.

Он наклоняет голову.

— Честно говоря, я удивлён, что ты не отправил своих следователей присмотреть за ней и не выяснил всё для себя.

— Я это сделал, — признаёт его отец. — Я заказал отчёт. Краткий. Не хотел навязываться.

— Ну конечно, — сухо произносит Блейк.

— Ну, если от этого ты почувствуешь себя лучше, на самом деле я его не читал. Я

уезжал, вернулся всего два дня назад. Уверен, его читала твоя мать.

Если это правда, то его мать знает о связи Эрин с Софией Рейдер.

А он оставил Эрин одну.

Первое свидание Эрин было на первом году старшей школы. Она уже была «поздним цветком». Других её подруг уже приглашали на свидания, но у них тоже было время часами тусоваться в торговом центре и ходить на футбольные матчи. Эрин работала от десяти до пятнадцати часов в неделю, вместе с мамой. Так что когда один из самых милых мальчиков школы не только заметил её, но и пригласил в кино в субботу веером, она потратила пятнадцать долларов на миленькую новую маечку и надела свои любимые джинсы.

Вечер прошёл идеально. Они вместе смеялись, держались за руки. Она влюбилась так быстро, как только было возможно, затем они добрались до мыса для поцелуев. Эрин всё ещё была на борту. Она хотела, чтобы он поцеловал её, чтобы прикоснулся к ней. Она не хотела заниматься сексом.

— Брось, Эрин, — раздражённо сказал он. — Я заплатил за кино и попкорн. А теперь ты строишь недотрогу?

Она разрывалась между стыдом, злостью и отчаянным желанием согласиться. Так что позволила ему стянуть с неё новую майку и старые джинсы и заняться с ней сексом.

Это был её первый раз.

С тех самых пор она старается жить честно, говорить «нет», когда действительно подразумевает это, говорить «да» только когда хочет. И определённо никогда случайно не менять секс на деньги, позволяя себе быть купленной. Она всегда хочет секса с Блейком. И она верит, что он всегда хочет её.

Это тяжело помнить перед лицом Снежной королевы, называющей её мусором.

— Ты пришла из ничего. Ты ничто. Со шрамами или без, он может быть хорошим вариантом. Так зачем ему хотеть молоденькую, симпатичную девочку, которая не достигла ничего?

Её щёки горят. Это произошло? Она позволила ему заплатить за кино и попкорн, а затем раздвинула ноги? Нет, она не верит в это.

— Я не знаю, почему вы пытаетесь встать между нами, но это не получится.

— Я не пытаюсь встать между вами, я просто хочу быть с тобой честной. Таким женщинам, как ты, приходят мысли о таких мужчинах, как Блейк. Что они женятся на вас, что они бросят ради вас свои семьи, — Бел встаёт, возвышаясь над ней. — Но этого не будет.

Эрин пытается встать, но Бел блокирует её своим телом — и на удивление сильно для её тонкой фигуры. Женщина хватается её рукой за запястье.

И как в тот вечер эти много лет назад, Эрин слишком шокирована, чтобы бороться с ней.

— Отпустите меня, — шепчет она.

Бел выкручивает кулак, посылая боль по руке Эрин.

— Когда давит толчок, они не хотят тебя. Они хотят меня. Такие женщины, как ты, хороши только для *траха*.

Но Эрин больше не шестнадцать. Она взрослая женщина, и она сильная, и она не струсит и не позволит причинить себе боль, даже если в итоге её отвергнет любимый мужчина.

Девушка вырывает руку на свободу, заставляя Бел рухнуть на колени.

— Я сказала, отпустите меня, — с удивительным спокойствием произносит она. — И

никогда больше не говорить так со мной.

В дверном проёме появляется Блейк.

— Что ты сказала, чёрт возьми?

Когда Эрин переводит взгляд с Бел на полу на шокированных, стоящих в дверном проходе Блейка и Джеба, она даже не может говорить. Это слишком ужасно. Она здесь слишком большой аутсайдер. Слишком похожа на ту, кого описала Бел.

Эрин начинает уходить, проталкиваясь мимо Блейка.

Но он хватается её за запястье, и девушка вздрагивает.

Его глаза расширяются.

— Она сделала тебе *больно*?

— Это не важно, — отвечает Эрин, её голос слишком дрожит, чтобы поверить. — Я просто хочу уйти. Мне нужно...

— Как ты смеешь, — практически рычит он на свою мать. — Как ты смеешь поднимать на неё руку. Как ты смеешь вообще говорить с *ней*.

Его мать не встаёт, едва поднимает взгляд. Не смотрит ему в глаза.

— Она... она...

— Её для тебя не существует. Больше нет. Как и меня, — Блейк поворачивается к Эрин с каменным выражением лица. — Иди наверх и собери вещи. Я подойду туда через пару минут.

Он собирается продолжить защищать её, и, судя по его мрачному взгляду, это будет ужасно. Достаточно ужасно, чтобы разрушить любой шанс примирения между ним и его родителями. Даже если он сейчас не против этой мысли, в конце концов, окажется именно так. Она не будет нести за это ответственность. Она не может.

— Пожалуйста, — умоляет Эрин. — Пойдём со мной. Забери меня отсюда.

Джеб шагает вперёд, его взгляд угрюмый.

— Позаботься о ней. Она самое важное. Мы с твоей мамой поговорим.

Блейк выглядит так, словно разрывается. Он нежно убирает локон волос с глаз Эрин.

— Она не может так к тебе относиться.

— Я ей не позволила, — говорит Эрин. Её голос крепчает. — Я постояла за себя, не сейчас просто хочу уйти.

Он притягивает её в объятия, осторожно, будто знает, что ей может быть больно. И ей больно, хотя по большей части болит сердце, а не то, к чему прикасалась его мать.

— Моя красивая, храбрая девочка. Пойдём. Давай выведем тебя отсюда.

Блейк ведёт машину, понятия не имея, куда именно.

Их первоначальным планом было провести ещё одну ночь в доме его родителей. Затем утром они бы направились в дом матери Эрин. Вместо этого они поспешно собрали свои сумки и забросили всё в багажник. Уже около девяти вечера, и он мчит по шоссе без плана.

До него доходит, что он может быть не в лучшем состоянии разума, чтобы вести. Он видит дорогу, но она как размытое пятно. Тёмное пятно. Ну, он не собирается просить Эрин сесть за руль — не после того, как её отругали и оскорбили. Не после того, как на неё, чёрт возьми, *напали*.

Боже, он по-прежнему не может поверить, что его мать зашла так далеко.

Это подло. Это непростительно. Интересно, как Эрин вообще села с ним в машину после того, чему он её подверг, но, опять-таки, это был самый быстрый способ убраться из этого дома. Теперь он её потерял? Ему действительно удалось потерять к чёрту лучшее в своей жизни из-за одного маленького, окончательного проявления верности к семье, которая не заслуживает этого? Ему никогда не следовало привозить её в гости.

Он обнаружил, что подъезжает к знакомому съезду. Он ездил этой дорогой так много раз, что это кажется второй натурой, хоть уже и прошло много лет. Ухоженные участки и яркие витрины быстро сменяются тёмной, огороженной деревьями дорогой. Она даже могла бы быть жутковатой, если бы он не знал, как весело пёстрый чёрный асфальт и жёлтые полосы смотрятся в дневном свете.

Блейк даже не представляет, что Эрин думает о таком повороте событий. Она много не говорит с тех пор, как они уехали, только пару раз кивнула и пробормотала, когда требовалось.

— Подальше, — был её ответ, когда он спросил, куда она хочет поехать.

Ему не нравится идея ехать сегодня домой к Софии. Во-первых, на это уйдёт несколько часов, так что они к этому времени будут истощены. Во-вторых, София не ждёт их, так что это может её беспокоить. И в-последних, он не хочет вынуждать Эрин встречаться с матерью, когда она кажется какой-то хрупкой. Он знает, что они близки — определённо не похоже на его отношения с родителями — но эта конкретная проблема касается дома немного ближе.

И вот так Блейк обнаруживает, что направляется в сторону Мыса влюблённых, плоскогорья с великолепным видом на город. Днём сюда приезжают туристы на пятимильную тропу. Ночью это место служит первым местом для поцелуев.

У него нет планов целоваться с ней. Хоть даже она никогда не была прекраснее, желаннее для него, Эрин также кажется какой-то недосыгаемой. В окно проникает недолговечный лунный свет, её бледная кожа и глаза бездонны.

Плюс, он не может прямо сейчас доверять себе быть нежным.

Не тогда, когда его ярость так близка к поверхности. Всё равно, это будет тихим местом, где они могут посидеть и поговорить. Если Эрин вообще заговорит с ним.

Машина скачет по ухабам на грунтовой дороге — хорошо проезженной старшекласниками, включая его самого, но по-прежнему ужасно неровная после каждого дождя. Все машины, за все года, не могут разглядить такую древнюю землю. Добравшись до травянистой поляны, он останавливает машину.

Город растянут перед ними, одеяло фонарей укутывает город, который уже в кровати.

— Как красиво, — тихим голосом произносит Эрин.

Блейк даже не может смотреть прямо на неё, потому что из-за неё в его груди тесно, а лицо и тело стягивает. Он может только смотреть на город.

— Да.

— Спасибо, что привёз меня сюда.

Она благодарит его? Нет, ему нужно стоять на чёртовых коленях, благодаря её за то, что она с ним, остаётся с ним, благодаря за существование, чёрт возьми, — потому что она его свет. Ни один огонёк в городе не светит для него. Только женщина, сидящая рядом с ним, зажигает всё.

— Детка, — хрипло произносит он. — Нам нужно поговорить о том, что произошло.

— Разве? — она звучит запутанной, почти потерянной.

— Да, потому что тебе нужно знать, что это было не нормально, что я ни в коем случае не поддерживаю произошедшее, что я чертовски хотел бы вернуться к тебе на пару минут пораньше, чтобы самому это остановить.

— Я знаю.

— Я бы никогда не позволил ей относиться к тебе неуважительно в моём присутствии, и меня тошнит от того факта, что я это допустил, не понимая, что это произойдёт, если меня не будет рядом.

Она накрывает его ладонь своей.

— Блейк, я знаю.

Он берёт себя в руки достаточно, чтобы понять, что ей пришлось повториться. Он переворачивает руку, чтобы взяться за её ладонь.

— Как ты можешь нормально к этому относиться?

— Я не отношусь нормально к тому, что произошло. Но это была не твоя вина. Ты не мог предсказать, что она так себя поведёт. И как только ты понял, то вывел меня оттуда.

Блейк изучает взглядом её руку, ища любые признаки синяков. В машине было слишком темно, чтобы увидеть.

— Где она сделала тебе больно? — когда Эрин не выказывает желания отвечать, он добавляет: — Мне нужно знать.

— Она схватила меня за запястье, вот и всё.

— Вот и всё? Это большое, чёрт возьми, дело.

— Я не хотела... ладно, да, я хотела преуменьшить. Я просто хочу сказать, что я в порядке. Некоторое время оно будет болезненным. Никакого медицинского вмешательства не требуется.

Ему всё равно не нравится, как небрежно Эрин говорит о том, что с ней обращались грубо, но он осознаёт, что она хочет опустить тему. И бросает затею отвезти её в приёмное отделение, что было бы для неё более травматично. Он ничего больше не может сделать.

Он проводит рукой по своим волосам.

— Полагаю, она рассказала тебе о моём отце. И о твоей матери.

Это привлекает её внимание. Её глаза расширяются, как два тёмных пруда в ночи.

— Что по поводу них?

— Судя по словам моего отца, у них был роман. Роман по взаимному согласию. Он утверждает, что заботился о ней. Но когда это выяснила моя мать, всё стало безобразно, как он говорит. Полагаю, мы сегодня это распробовали.

— Боже, — выдыхает девушка. — Все эти годы я ничего не знала.

— Мой отец за свою жизнь делал несколько смелых поступков. Хотя даже я не ладил с ним, я ровнялся на него, зная, чего он достиг. Но в тот момент он был трусом. Он не постоял за женщину, о которой, предположительно, заботился, не защитил и не уберёг её.

Эрин нежно сжимает его ладонь, пока он вновь не встречается с ней взглядом.

— Ты не он, — тихо произносит она. — Ты защитил меня. Ты всегда меня оберегаешь.

Блейк выдыхает.

— Боже, Эрин. Я хочу, чтобы это было правдой.

— Это правда. Ты сильный и способный и невероятно умный. И ты используешь всё это, всю свою силу, чтобы делать мою жизнь лучше. Иногда я не чувствую, что... заслуживаю этого.

У него внутри зарождается подозрение.

— Если она не рассказывала тебе о моём отце, то что она говорила?

Эрин отводит взгляд.

— Просто всякую чушь об отношениях, — бормочет она.

— Эрин, — произносит он, добавляя в слова сталь. Он знает, что ей от этого неуютно, но ему нужно знать, что было сказано. Особенно раз это довело Эрин до такого состояния, когда она скручена и чего-то стыдится.

Вместо ответа Эрин открывает дверь машины и выходит наружу. Может быть, она бормочет что-то вроде «мне нужен воздух», но не останавливается, чтобы убедиться, что он услышал. Дверь машины захлопывается, и он быстро выходит за ней в ночь.

Блейк не будет давить на неё, чтобы поговорить. Это он понимает. Если есть риск, что она сбежит от него, ему просто придётся жить, не зная, чёрт побери, что его мать сказала, чтобы расстроить её и причинить ей боль.

Девушка стоит и смотрит на город, а его поражает чувство дежавю из-за всех ночей, когда он просыпался от кошмаров. Они не спали, но в сущности Эрин делала это — будила его от кошмаров. Она крепко обнимает себя руками, защищая от прохладного бриза. Её невидящий взгляд устремлён далеко.

Он подходит к ней сзади, обвивая её руками. Блейк нежно обнимает её и целует в макушку, так же, как она целовала его спину.

— Ты в порядке? — шепчет он.

— Уже почти, — она кладёт свои руки поверх его, соединяя их. — Это помогает.

— Хорошо, — ночной воздух прохладный, на грани холода, но успокаивает его. Он по-прежнему прижимает её ближе, сохраняя её тепло. — Мы можем найти приличный мотель на шоссе. Останемся на ночь, затем утром поедem к твоей маме, как планировали. Звучит нормально?

— Конечно, — выдыхает она. — В смысле, это звучит как действительно хороший план. Прости, я немного отвлеклась.

— Господи, Эрин, ты продолжаешь извиняться.

— Прости, я... — она рассмеялась. — Я прекращу.

Он качает головой с лёгкой улыбкой на лице. Боже, эта женщина. Он не может ею насытиться. Он хочет держать её, вдыхать её. Честно говоря, Блейк хочет трахать её. Он твёрд как чёртовы скалы вокруг них. Вероятно, его тело не получало сообщение о чрезвычайном эмоциональном бедствии. Или, на самом деле, оно сообщение получило, но интерпретировало прилив адреналина как возбуждение. И вот он здесь, держит самую красивую, сексуальную женщину, которую только знает, а его член понятия не имеет, почему не может оказаться в ней. Он прочищает горло и отступает на полшага назад, чтобы убедиться, что она не почувствует спиной его эрекцию.

Когда она толкается бёдрами назад чувственным, знающим движением, Блейк знает, что уже слишком поздно. Она уже знает. Сейчас не подходящее время. Эрин уязвима, и ей больно. Ему не следует прикасаться к ней. Но её тело приглашает его тихим стоном, который он едва слышит из-за сверчков и стука своего сердца, и он не в силах отказать.

Эрин разворачивается в руках Блейка. Она знает, что им есть что обсудить. Важные вещи, например, какие-либо сомнения, которые по-прежнему затаивает, которые позволили Бел закрасться ей в голову. Им нежно поговорить о них и разобраться с ними... но прямо сейчас у неё нет силы для этого. Она использовала все из них, чтобы постоять за себя и держать голову высоко те несколько минут, которые потребовались им, чтобы выйти из дома. И руки Блейка ощущаются слишком хорошо — тепло, сила и безопасность. Будто она может отпустить себя и быть в полной безопасности.

И это всё, что она хочет сделать — отпустить себя самым чувственным способом, задыхаться и двигаться и трахаться, пока не растеряет все мысли, пока её тело не станет бессмысленной массой удовольствия.

Глаза Блейка тёмные от беспокойства.

— Ты уверена...

Девушка затыкает его, кладя руку на его член. Он уже твёрдый как сталь в его джинсах. Она потирает туго натянутую ткань, наслаждаясь его грубым стоном.

— А ты? — спрашивает она.

Эрин имеет в виду не секс. Она имеет в виду уверенность насчёт них. Насчёт их брака. Она имеет в виду все глубокие чувства, которые ещё не хотела обсуждать.

Блейк стонет и закрывает глаза.

— Чёрт, да.

Он может подразумевать секс или подразумевать всё. Не важно. *Ответ правильный.*

Она быстро избавляется от его джинсов, расстёгивая их и спуская вниз по бёдрам. Его член выскакивает наружу, толстый и тяжёлый в её руках.

— Кто-нибудь может увидеть, — предупреждает мужчина.

— Ну и пусть.

Она хочет, чтобы они видели, чтобы весь город наблюдал. Она хочет, чтобы все знали, что Блейк Моррис принадлежит ей. И больше всего ей нужно показать себе, что это по-прежнему правда.

Он стонет, наклоняясь для поцелуя. Этот поцелуй резкий. Немного смазанный. Ей нравится, какой он с ней — грубый и необузданный. Только он не действительно необузданный. Даже сейчас, какой бы он ни был чувственный, он что-то сдерживает. Она всегда предполагала, что это касается его. Его времени в армии или восприятие самого себя как монстра.

Но до неё доходит новая мысль, особенно после событий дня, после осторожного и коварного рассечения её страхов. Что, если сдерживается из-за *неё*. Потому что не знает, сможет ли она справиться с ним.

Было время, когда она бы поморщилась от этой мысли. Конечно, она сможет справиться с чем угодно, что он сделает с её телом, с её разумом. Она жаждет этого. Но сейчас, чувствуя себя раздетой и истёртой, она не так уверена. И всё же, это не останавливает её желания к нему.

Если она разобьётся, то хочет, чтобы её разбил он.

— Трахни меня, — шепчет она.

— Что?

Блейк отстраняется, чтобы встретиться с ней взглядом. Обычно она не использует с ним таких слов, и в его глазах вопрос. Она действительно хочет этого? Эрин слишком расстроена, чтобы самой принимать решения?

Это вызывает в ней злость. И грусть. Она толкает его в грудь кулаками.

— Я сказала, трахни меня.

— Эрин, детка. Я сделаю тебе хорошо.

В этом весь он: заставляет её кончать, заставляет дрожать и кричать от оргазма. «Позволь мне позаботиться о тебе». Он такой хороший мужчина. Но сегодня она хочет, чтобы он был плохим.

Она снова толкает его, прижимая локти к его телу.

— Не хорошо, Блейк. Жёстко. Сделай это жёстко.

Его глаза вспыхивают чем-то опасным — и соблазнительным.

— Ты так не хочешь.

— Не говори мне, чего я хочу. Я хочу чувствовать... — она раздумывает над всеми вещами, которые хочет чувствовать. Боль. Удовольствие. Неуверенность в глубине души, которую она каким-то образом называет любовью. В итоге, всё оказывается проще. — Я просто хочу *чувствовать*.

Он делает шаг назад.

— Я люблю тебя.

Девушка следует за ним, кладя руку на его грудь, лаская его, извиняясь, если сделала больно.

— Тогда трахни меня, как хочешь. Делай со мной всё, что захочешь.

Решение приходит быстрее, чем она ожидает. И приходит в форме его руки в её волосах, тянущей назад, поднимающей её лицо к небу. Эрин выдыхает, но позволяет своему телу повиснуть от его прикосновения.

— Ты хочешь, чтобы я был грубым, так?

Его слова мягким дыханием касаются её щеки.

— Да, — удаётся ответить ей.

— Ты хочешь видеть, какой я на самом деле, когда не сдерживаюсь.

— Да.

— Потому что ты всё ещё не знаешь меня, — его слова звучат больше печально, чем обиженно. — Ты всё ещё думаешь, что будет что-то милое и любящее. Что я могу просто шлёпнуть тебя по мягкой части твоей задницы, будто это *игра*, и я смогу остановиться на этом.

Она вздрагивает.

— Тогда покажи мне.

Его рука крепче сжимает её волосы.

— Это не игра, чёрт возьми.

Блейк наклоняет её голову и лижет её горло. Затем кусает, царапая зубами линию её челюсти, пока она кричит на луну. Её пальцы шарят по его плечам, по его рукам, пытаясь держаться.

— Нет, — холодно произносит он. — Ты не будешь обнимать и сжимать меня, не когда хочешь, чтобы я тебя *трахнул*. Не когда хочешь, чтобы я показал тебе себя настоящего.

Он тянет её к дереву, держа за волосы одной рукой, а за предплечье другой. Затем толкает её к стволу, лицом вперёд. Он кладёт её руки на дерево, будто она кукла, заставляя

её обнимать ствол дерева. Блейк расстёгивает её джинсы и стягивает их до колен, используя как верёвку, связывая её на месте. И задирает вверх её майку и лифчик, обнажая кожу перед воздухом и деревом.

— Вот так, — говорит он с грубостью в голосе, которую она не понимает. — Стой именно так, несмотря на то, что я с тобой делаю. И когда я закончу, твои груди будут красными и ободранными, а я даже не прикоснусь к ним. Поняла?

Эрин хнычет, возбуждённая и нервничающая, и почему-то парящая. Он чувствует свободу, разговаривая с ней вот так, причиняя ей такую боль. Это освобождает — не знать, что произойдёт дальше.

Что происходит дальше — он резко проникает пальцем в её киску сзади. Она ахает, смотря перед собой на дерево.

— Мокрая, — бормочет он. — Ты всегда такая мокрая? Ты ходишь весь день во время уроков и работы, пока твоя киска скользкая, как водопад? Или это только для меня, каждый чёртов раз?

Она сотрясается.

— Для тебя, — говорит девушка, высоким и тонким голосом. — Это для тебя.

Затем его пальцы перемещаются к её губам.

— Попробуй себя, — требует он.

Прежде чем ей выдаётся шанс ответить, даже подумать о том, чтобы сказать «нет», Блейк толкается внутрь. Она покорно сосёт его пальцы, слизывая свои соки с его грубой кожи. Удовлетворившись, мужчина убирает руку. Затем его жар прижимается к его спине, член упирается в её вход.

— Ты хочешь, чтобы я напугал тебя, — шепчет он. — Тогда ты сможешь завтра уйти из-за того, что произошло сегодня.

Её охватывает мрачное осознание. Он думает, что делает это потому, что Эрин хочет вырваться. Он думает, что она использует его сексуальность — его боль — против него.

— Нет, — выкрикивает она.

— Да, — сквозь зубы выговаривает он, толкаясь в неё. Наполненность шокирует её, и она поднимается на цыпочках, пытаясь высвободиться. Её груди трутся о кору дерева, заставляя её хныкать. Выхода нет, только вторжение, только боль. Только осознание, что он, наконец, выпускает эту злость, эту боль... выпускает себя.

— Блейк. *Блейк.*

— Мне не следует прикасаться к тебе, когда ты такая, когда это будет последний, чёрт побери, раз, но я не могу сдержаться. Ты толкаешь и толкаешь меня, и теперь ты это получишь. Как тебе, детка? Как тебе ощущать на коже кору? Как тебе чувствовать мой член в своей щёлке? — будто чтобы выделить слова, он скользит рукой вокруг и щипает её клитор — сильно, — вот, что я хочу делать с тобой, всё чёртово время. Вот как будет, если я перестану сдерживаться. Я буду трахать тебя, использовать тебя, разрывать тебя.

Блейк отстраняется и вторгается внутрь, а она не может отрицать, что её трахают и используют. Её как будто даже разрывает, разделяет на две части изнутри, его член так глубоко, такой толстый внутри неё.

— Я не хочу, чтобы это когда-нибудь заканчивалось, — ахает она.

— Захочешь, — обещает он.

А затем он ускоряется, быстро двигаясь толчками, высовывая член почти полностью, только чтобы ворваться обратно внутрь, её груди отскакивают от грубого изгиба дерева, её

крики эхом раздаются по поляне и над городом.

— Расскажи мне, что она тебе сказала, — сквозь сжатые зубы произносит Блейк. — Расскажи мне, почему тебе больно.

И отвечать ему больнее, чем от коры, чем от его члена.

— Она сказала, что я не достаточно хороша для тебя. Что я мусор. Что я всегда буду мусором.

— Чёрт, — свирепо рычит он. Будто может разорвать её на части. — Это не правда, чёрт возьми.

— Знаю, — рыдает Эрин, но не знает, на самом деле нет. И тяжело говорить, пока он всё ещё трахает её, не так быстро, как раньше, но по-прежнему достаточно, чтобы каждое слово сопровождалось вздохом, порывистым и коротким. Потому что как бы тяжело *ни было* вот так говорить, это единственный способ. — Но я думала... Я не знала... Боже, мы такие разные, Блейк.

Очередной рык, на этот раз безмолвный и животный.

— Вот, где ты ошибаешься. Мы одинаковые, ты и я. Я, чёрт возьми, сделаю нас одинаковыми.

Кажется невозможным, что это может сработать, что он может каким-то образом через трах сделать их одним человеком. Но так чувствуется, его член пронзает её, между их телами невероятное мокрое трение, сливающее их воедино.

Другая его рука шлёпает её по заднице, звук гулкий в тишине.

— Стони, — гортанным голосом произносит он. — Я хочу тебя слышать.

Так что она позволяет себе стонать — а ещё говорить и лепетать, и кричать вслед за криком, обнимая и будучи обнятой Блейком, даже пока он грубо трахает её. Звучат слова и извинения, и объяснения. Раздаются искажённые звуки, которые даже она не может разобрать. А затем слышится только ритмичная мантра:

— Я люблю тебя я люблю тебя я люблю тебя.

Его бёдра грубо содрогаются, пока он кончает, и она тоже кончает от этого ощущения его оргазма и того, как их бёдра сталкиваются, определённо оставляя синяки, глубоко внутри выстреливает горячая струя спермы. Девушка двигает бёдрами, толкаясь в дерево, пока её накрывает оргазм.

Блейк справляется с последними импульсами с томным терпением, позволяя ей пульсировать и сжиматься вокруг его члена, чувствуя, как по нему стекает его семя. Когда она заканчивает и падает на дерево, он мягко отстраняется. Мужчина поправляет свою одежду, а затем её, после чего целует её в затылок.

— Спасибо, что рассказала мне.

Эрин улыбается в темноту, её лицо наполовину скрыто деревом.

— Спасибо, что трахнул меня.

— Это ерунда, ты же знаешь. Мысль о том, что мы такие разные. Что ты не достаточно хорошая, — он разворачивает её и прижимает спиной к дереву, позволяя откинуться на него, но смотрит ей прямо в глаза. — Когда я смотрю на тебя, я вижу всё, чем хочу быть.

Она позволяет своим глазам закрыться, когда он целует её в лоб.

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже, детка, — Блейк проводит пальцем по изгибу её груди. — Тебе больно?

Её груди несколько дней будут чувствительными. Ей это нравится.

— Каким бы ужасным ни был этот день, он может того стоить ради секса у дерева.

Он тихо смеётся.

— Знаешь, дома во дворе много деревьев.

— Нам, вероятно, следует нарисовать карту. В целях проведения обследований.

— М-хм. Мы не захотим пропустить ни одного.

Глава 8

Блейк паркуется на разбитой, кривой подъездной дорожке. Выходя наружу, он вдыхает запах бензина, перекрытого чем-то сладким — шоколадом. С отслаивающейся краской и сломанной лестницей всё смотрится мрачно. Тяжело представить юную Эрин, скачущую домой из школы с рюкзаком на плече и широкой улыбкой на лице. Это место не вдохновляет на улыбки.

Но это делает София, когда открывает дверь, — улыбается. На её лице огромная улыбка, когда она обнимает свою дочь.

— Мама, я так по тебе скучала.

София поворачивается к нему, и он в шоке видит в её глазах слёзы.

Затем София сгребает во объятия и его. Каким-то образом происходит именно так, несмотря на то, что она ниже и меньше — он оказывается обнятым и даже сжатым ею. После мгновения удивления мужчина обнимает её в ответ. Эрин смотрит на них со слезами в своих карих глазах — прямо как в глазах её матери — и он знает, что так они обе выглядят, когда счастливы.

Его голос на удивление хриплый, когда он говорит:

— Приятно вас видеть, миссис Рейдер.

В своей жизни он был и сыном, и бойфрендом, и женихом. Но его никогда не обнимали, всего лишь не обнимали, до Эрин. И её матери.

— Ты не представляешь, как сильно я переживала за Эрин, — говорит она. — Она такая сильная, слишком сильная. Я переживала, что она никого не впустил.

Она будто даёт ему своё благословение, и это кажется подарком. Он благодарен, когда она не заставляет его отвечать, только кивая, будто что-то было решено здесь, в этом тусклом коридоре.

Блейк берёт их сумки и проходит за обеими женщинами внутрь.

В ярком свете кухни, София ахает.

— Эрин, что случилось с твоим лицом?

По нему пробегает чувство вины, потому что её челюсть ободрана, на ней красный след от дерева. Вероятно, его собственные шрамы не могут шокировать миссис Рейдер, но доказательству их секса понадобится объяснение.

Щёки Эрин покрывает розовый румянец.

— Мы поехали в объезд к месту для туристов, которое знает Блейк. В итоге я врезалась лицом в дерево, — она улыбается Блейку тайной улыбкой. — Неуклюжая.

София, кажется, окидывает дочь взглядом. Спустя мгновение она расслабляется.

— Я принесу мазь. Кажется, рана не слишком глубокая, но просто, чтобы быть уверенной. А вы двое пока присаживайтесь. И угощайтесь печеньем.

Они с Эрин покорно садятся за маленький кухонный стол, где их дожидается тарелка тёплого печенья.

Она усмехается Блейку, беря одно.

— Попались.

Он моргает. На сексе?

— Твоя мама не поняла.

Эрин откусывает печенье.

— Она знает.

— Не может быть.

— Я получила нашивку первопроходца, когда мне было восемь. Я ходила в походы весь год. Я не врезаюсь в деревья. Но не беспокойся. Она поняла и позволила тебе остаться. Это значит, что ты принят.

В его груди появляется тёплое, наполняющее чувство. Не помогает, что печенье на вкус как сахар и рай. Чувство такое, какое, как он думает, должен вызывать дом. И семья. И детство, которого у него никогда не было. С одной стороны, он вырос в привилегиях, и за это он чувствует одновременно стыд и благодарность. Но с другой стороны, он никогда не знал тишины, сильного удовлетворения принадлежности.

Эрин лежит, не в силах заснуть, даже пока Блейк мирно урчит во сне рядом с ней. Через несколько минут она сдаётся и осторожно выскальзывает из его рук. Девушка тихо выходит из спальни, чтобы обнаружить, что её мама сидит на диване с раскрытой на коленях книгой, взгляд её невидящих глаз направлен вперёд.

Она переключает внимание на Эрин, когда та входит.

— Что случилось? Тебе нужно что-нибудь поесть?

Эрин тихо смеётся.

— Определённо нет. Ты напихала нас обоих лазаньей. А затем тортом.

Её мать не может скрыть довольного взгляда, почти самоуверенного. Она наслаждается тем, что кормит людей, и ей особенно нравится, как Блейк может всё смести.

— Я могу дать тебе рецепт.

— Лазаньи, да. Не думаю, что мне следует печь этот торт, не когда мы с Блейком можем съесть его практически полностью за один присест.

Мама хлопает по дивану рядом с собой.

— Тогда присядь, если у тебя проблемы со сном.

Эрин садится на изношенный диван. Она проводила здесь много часов, пока готовилась к тесту или смотрела телевизор, или тихо читала рядом с мамой. Это диван для неё больший дом, чем когда-либо был город или дом. Так что это придаёт ей силы поднять тему, которая не позволяет ей уснуть.

— Мама, помнишь, я рассказывала тебе, что Блейк сын сенатора Морриса?

Её мама замирает.

— Да, помню.

— И я знаю, что однажды ты на них работала.

— Да.

Слово теперь звучит тише. Практически со страхом, и Эрин не хочет продолжать. Она не хочет быть той, кто причиняет боль матери, но не может жить так, будто не знает.

— Отец Блейка рассказал ему, что у вас двоих была... связь.

Долгая тишина, нарушаемая только отдалённым, приглушённым звуком хлопающей двери машины.

— Это правда, — наконец произносит её мать. — Я была молода... не так молода, как ты. Но намного глупее тебя.

Эрин хмурится.

— Влюбляться в кого-то не глупо, даже если он не хороший мужчина. Мы не можем контролировать, кого любить. Ты меня этому учила.

— Это верно, но тебе следует знать, Джеб — мистер Моррис — был хорошим человеком. Он просто совершил ошибку. В этом есть разница.

— Ошибку? Он позволил тебя вышвырнуть. Он не защитил тебя.

— Я имела в виду не это, милая. Я имела в виду роман. Он изменил своей жене. И даже если заботился обо мне, когда делал это, правильным это не становится.

Эрин с трудом может посочувствовать Снежной королеве после их столкновения, но знает, что её мама права.

— Полагаю, так.

— И я тоже знала, что он женат. Мне не следовало связываться с ним. Я рисковала ради этого своей работой и потеряла её. Я рисковала доходом нашей семьи и возможностью заботиться о тебе, — вздыхает женщина, качая головой. — Как я сказала — глупо.

Эрин берёт её за руку. Она знает, какая сильная её мать: убираться в домах — напряжённый физический труд. И всё ещё рука её матери кажется маленькой, практически хилой. Она сжимает её.

— Мне жаль, что всё так обернулось, но я не хотела бы, чтобы ты это сдерживала, чтобы *не* пользовалась шансом на любовь только потому, что у тебя была я.

— Теперь ты понимаешь, почему я беспокоилась за тебя. Что ты видела меня примером для подражания, как я сдерживалась, боясь боли. Я боялась, что ты поступишь так же.

В каком-то смысле Эрин это сделала. Она винила свою занятость школой и работой за отсутствие отношений. Но она могла стараться больше, если бы хотела. Она могла бы воспользоваться шансом на любовь, как сказала маме. Даже с Дагом, она сдерживалась. Когда появился Блейк, она смогла это сделать. Видя его каждую неделю, а затем каждый день, узнав, какой он мужчина. Поняв, что он всегда будет защищать её.

И, наконец, отпустила себя.

— Двигайся, — кричит мужчина в его наушниках — говорит пилоту лететь.

Блейк двигается, чтобы выпрыгнуть, но мужчина блокирует его. Этот мужчина тяжелее его на пятьдесят фунтов, а ещё последние семьдесят два часа больше спал, ел и пил. Но у Блейка есть чёртова цель, уверенность, что он не может оставить и не оставит своего товарища позади. Последнего товарища. Единственного оставшегося мужчину. Если кто-то и останется за этой скалой, в этой духовке, то это будет он сам.

Выстрел попадает в вертолёт — невозможно понять, откуда. Из-за этого всю машину качает, и Блейк теряет равновесие. Двери по-прежнему открыты, но выход наклонён вверх, и Блейк скользит назад, падая. Каждая секунда отделяет его дальше от Рикардо, каждая секунда уносит его на один фут выше в воздух.

— Нет, — рычит он, бросаясь к двери. Он практически убьётся, если прыгнет сейчас, но ему плевать. Этого не произойдёт. Этого, чёрт побери, не может произойти.

Парень ловит его за лодыжку, как раз когда он почти выбирается из вертолёта.

Блейк тяжело приземляется на металлическую решётку. Сила его падения раскачивает вертолёт достаточно, чтобы он смог посмотреть за край: мужчина распластался на земле, раненый. И он видит других мужчин, приблизившихся и окруживших его как стая волков теперь, когда вертолёт покидает область.

— Нет.

На этот раз это только тихий звук, поражённый. Слишком тихий, чтобы услышать из-за рёва железной птицы.

Брат Рикардо. Рикардо.

Что-то не правильно. Пуля, должно быть, задела что-то очень важное, потому что двигатель уже шипит. Они по-прежнему в воздухе, но раскачиваются в стороны. На такой высоте они разобьются. Сгорят.

А затем им не приходится долго ждать. Оранжевая вспышка, которую он видит краем глаза, — единственный знак, что вертолёт взорвётся через несколько секунд, прежде чем это происходит, прежде чем его поглощает пламя, прежде чем сила взрыва выбрасывает его из вертолёта, а затем он падает, падает с неба.

— Блейк!

Блейк резко просыпается, сердце стучит, кровь кипит от желания бороться с врагом, которого больше не существует. Ему требуется секунда, чтобы сориентироваться, вспомнить, что он больше не в джунглях в боевом снаряжении, что он даже не в своём доме и в своей кровати, а вместо этого в детской комнате Эрин.

Он тяжело дышит, пока Эрин гладит его по спине.

— Я сделал тебе больно? — спрашивает он.

Она колеблется. Она знает, что он хочет правды, а не каких-то фальшивых заверений, в которых будет сомневаться каждый раз.

— Ты поймал меня за руку, пока я пыталась тебя разбудить. Уже даже не болит, я говорю это только для того, чтобы ты не беспокоился.

Он всё равно беспокоится, не может не беспокоиться. Он любит её. Это как смертный приговор, вынесенный мужчине, которым он был, что мог подняться из пепла. И теперь он этот мужчина, который переживает с каждым вздохом, который проводит каждую секунду бодрствования с желанием дать ей то, в чём она нуждается.

Только во снах он теряется в своей прежней жизни. Во снах и в мгновениях после них, когда его тело по-прежнему дрожит от необходимости бороться, трахаться, предьявлять на неё права примитивным способом. Раньше он держался подальше от неё. Заставлял себя ждать. Он стоял у окна в своей комнате, пока не чувствовал себя достаточно обычным собой, чтобы прикоснуться к ней.

Здесь нет окна, у которого можно постоять. Некуда пойти в тесной комнате, а у него нет намерений её покидать. И, кроме того, Блейк научился за время этой поездки, что ему не нужно сдерживаться. Он не заботливый, добрый и нежный любовник, когда такой, но ей это и не нужно. Вместо этого он эгоистичный и грубый. Блейк берёт то, что ему нужно от её тела, как жаждущий мужчина упивался бы водой из озера, не задумываясь о комфорте или о том, что озеру вода нужна больше.

Когда кошмары прекратятся?

Теперь он знает ответ. Они не прекратятся, никогда, но каким-то образом всё ещё остаётся надежда. Рядом с ним всё ещё эта женщина, её тело для утешения, её сердце для любви.

Глаза Эрин широко раскрыты — не от страха, а с согласием. Он толкает её назад и задирает ночнушку.

Голая.

На ней нет трусиков. Его мозг, кажется, отключается, и всякое подобие рассудка улетучивается. Он спускает свои пижамный штаны и прижимается телом между её ног, раздвигая её ноги шире.

Он гладит свой член один раз, два раза, пока она лежит, раскрытая перед ним, и ждёт. Блейк ничего ей не говорит, он за гранью слов. Он вставляет пальцы в её киску и берёт оттуда влагу — не для её клитора, а для своего члена, окружая себя её возбуждением.

Затем нависает над ней, помещает головку своего члена к её входу и оказывается дома.

Эрин выдыхает и тянется к нему, но он хочет не этого. В любой другой раз он хотел бы, чтобы она прикоснулась к нему, чтобы она была свободна. Но сейчас он использует её — её тело, её сердце. Сейчас он возьмёт то, что принадлежит ему. И поэтому мужчина хватается одной рукой её запястья, поднимая их над её головой. Другой рукой он удерживает на месте её бёдра, трахая достаточно сильно, чтобы тряслась кровать.

Блейк трахает девушку, пока его тело не покрывается блеском пота — пока её влагалище не сжимается вокруг него три отдельных раза. Её тело под ним вялое, вымотанное, и он по-прежнему продолжает трахать её. Он такой: животное, машина. Солдат. Что-то, что может толкаться и вторгаться, и бороться часами, и именно это он делает.

— Не могу, — шепчет Эрин.

Но он чувствует, как она уже сжимается вокруг него, чувствует поток жидкости, согревающей его член. В этот момент он безжалостен. Поэтому он никогда раньше так к ней не прикасался. Она хотела его — настоящего его, даже в такое время. И он знает, что она может с этим справиться. Так что даёт ей это, быстро двигая бёдрами, держа рукой её запястья, удерживая на своём члене, заставляя её кончать снова.

Это возвращает её к жизни, оргазмы, которые заставляют вялое тело девушки двигаться и толкаться ему навстречу, пока её груди трясутся, свободные от кружевной ткани ночнушки. Её коричневые соски разительно отличаются от бледной кожи, и Блейк тянется вниз, чтобы облизать их. Только тогда, когда он сосёт их, твёрдая кожа заставляет его яйца сжаться, он выстреливает сперму глубоко внутрь её, с его губ срывается стон, и он беспомощен от облегчения.

Даже после того, как кончил, Блейк остаётся в неё, лениво толкаясь, наслаждаясь тем, как скользит влага по его обмякающему члену, и используя её, чтобы выжать окончательные пульсации удовольствия из своего тела.

— Ты в порядке? — спрашивает он глухим голосом.

— Да, — отвечает Эрин, уставшая и сонная. — Не двигайся, хорошо? Остайся.

Он не может сделать ничего, кроме как подчиниться ей — своей женщине, своему спасению — и остаётся внутри неё, уплывая в сон, зная, что он слишком тяжёлый, и не может не соскользнуть как раз достаточно, чтобы она могла дышать.

— Навсегда, — обещает он.

Через несколько секунд её дыхание выравнивается, и он понимает, что она спит. Блейк опускается за ней, пока они по-прежнему соединены, её ноги убаюкивают его, её киска убаюкивает его, её груди убаюкивают его. И он без раскаяния берёт всё, что она может предложить, весь её комфорт и нежность, и красоту. Он укрывает её одновременно чувством собственности и защитой, зная, что никогда не отпустит.

Спустя шесть месяцев

Блейк смотрит на дерево вдаль. Это действительно идеальное дерево. Он не может представить, почему никогда не замечал его раньше. Его выгодная позиция новая. Они установили свадебную арку в самом конце двора, где вдали журчал ручей. Отсюда он видит заднюю часть дома с ярко-красной кормушкой для колибри и новой беседкой. Эрин превратила это здание в настоящий дом, и он думает, что, может, всегда хотел этого, жаждал этого, даже когда просто платил ей за уборку пыли с мебели.

Блейк бросает взгляд на женщину рядом с собой. Его возлюбленную. И, через несколько минут, жену.

Священник не торопится.

Её глаза блестят при взгляде на него из-под вуали, будто она знает, как он нетерпелив. Он бы затаячил её в здание суда в тот же день, как она сказала «да», если бы не знал, что она хочет устроить церемонию. Так что он кивал и улыбался во время примерок, проб и встреч с дизайнерами. В конечном результате, он должен признать, что это подходит принцессе — и он знает, что всё этого стоило.

Ну, будет стоить, если закончится скоро.

Он высиживает во время долгой проповеди о верности и любви. Он произносит клятву, которую написал сам, и выслушивает клятву Эрин, не выстрелив себе образно в голову перед их маленькой компанией друзей и членов семьи — огромное достижение, по его мнению. Блейк надевает кольцо ей на палец, тонкое и золотое, подходящее к её антикварному помолвочному кольцу. И позволяет ей надеть кольцо на его палец, притворяясь, что не замечает, как дрожат её руки.

И после этого начинается самое длинное провозглашение союза, которое он когда-либо слышал. Он заставляет себя стоять смирно. Заставляет себя не посылать взглядом молчаливое сообщение священнику, чтобы тот уже заканчивал. С его шрамами, и пока он одет в форму, это может получиться более запугивающе, чем он намеревается.

— Теперь можете поцеловать невесту.

Спасибо, чёрт возьми.

Блейк поднимает тонкую вуаль и откидывает её назад, притягивая Эрин ближе. Его губы в дюймах от её губ, а он всё равно не целует её.

— Как долго ещё, прежде чем мы всех выгоним?

Её губы изгибаются в усмешке.

— Хмм. Три часа?

Он стонет.

— Хотя бы скажи мне, что у тебя под этим нарядом ничего не надето.

— Я бы и не мечтала об этом.

— Хорошо. Потому что вон там есть дерево, на котором наше имя. И платье остаётся на тебе.

Затем он целует её, крепко прижимаясь к её губам своими, его язык требовательный, каждое движение служит обещанием того, что он сделает с ней через три часа, того, что будет делать свою оставшуюся жизнь. Лелеять и подчиняться, чтить и защищать, вечно.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net